„ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ"!

КУЗНИЦА

ОРГАН ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

Май. № 1. 1920 г.

ИЗДАНИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ОТДЕЛА НАРКОМПРОСА.
Москва.—1920.

«КУЗНИЦА».

В грозном грохоте, в напряженной борьбе с классовым врагом - эксплуататором строит пролетариат кузницу нового свободного общества.

Он вырывает у капиталистического мира материальную культуру и высшими техническими приемами кует новые высшие формы жизни в соответствии со своей классовой своеобразной натурой.

На смену анархическому тормозящему индивидуализму буржуазного мира всходит на арену истории лучший тип организации — планомерный, организованный коллективизм. И не только в области экономической, нет—все поры новой жизни пропитываются духом коллективизма.

Коммунизм—это первое проявление коллективизма грядущей пролетарской культуры.

Наша «Кузница», кузница искусства,—одно из неразрывно-связанных отделений великой общественной пролетарской кузницы.

Вчера мы ковали новую жизнь в «основном» материальном отделении, сегодня стремимся «надстроить» ее новое содержание стройными, живыми словесными образами.

И подобно тому, как в материальном отделении новую форму из нового материала лучше и скорее выкуешь, зная, где и как ударить по материалу вообще, так и в поэтическом мастерстве мы должны набить руку в высших организационных технических приемах и методах, и только тогда наши мысли и чувства вкуем в оригинальные поэтические формы, создадим оригинальную пролетарскую поэзию.

Итак, товарищи-рабочие, «Кузница» открыта.

Дружно за работу!

Редакция.

СТИХИ

ДА ЗДРАВСТВУЕТ В. И. ЛЕНИН!

В чьем сердце не биенье—бой!
Чье сердце—красное, живое знамя!
О, буревестник мировой,
Бушующий миллионными руками!
О, зоркий вождь, ты на высотах гор,
Где пролетарии—вулканы, скалы, кряжи,
Где пролетарии твой взор,
Твой взор поставили на страже.
Историю, работницу времен,
Упавшую перед парадным ходом,
Циклоном толп влеком и вдохновлен,
Стремительно повел заводом.
И вот грохочет Новый Год—
Короны падают, как звезды ночью пылкой,
И содрагается громоотвод,
Воздвигнутый над биржей Учредилкой.
Сигнальным Октябрем
Россия вспыхнула, и в муках бури
Коммуну мы куем, куем
Тяжелыми молотами диктатуры.
Европы грудь
Вздымается в мозолистом восстаньи,
Готова глубоко вдохнуть
Советов свежее дыханье.
Несется и трясет гроза
Зевоту Будды, Брамы и Шамана,
И отряхает раб раскосые глаза
От векового сонного тумана.
Вселенная меняется лицом,
Вселенная на капитал восстала
Широким, огненным кольцом
Рабочего Интернационала.
В чьем сердце не биенье—бой!
Чье сердце—красное, живое знамя!
О, буревестник мировой,
Бушующий миллионными руками!

Василий Казин.

Да здравствует мировая пролетарская коммунистическая революция!

Революция, обнявшая мир огненными крыльями восстаний, рождающая новую жизнь в тяжелых страданиях и муках, кладет на алтарь лучших детей Пролетариата.

Сколько их уже погибло на баррикадах, на красных фронтах, от эпидемий, недоедания...

За короткое время из наших немногочисленных рядов пролетарских писателей вырваны свежие творческие силы молодой пролетарской литературы.

Умер тов. Ф. И. Калинин, идеолог и практик пролетарской культуры...

Умер пролетарский беллетрист П. Бессалько...

Умерли пролетарские поэты С. Владимирова, Р. Глушицкий, А. Гуцевич, С. Заревой и А. Зарницын.

Все—талантливые и сильные духом товарищи...

Вечная память вам, сгоревшим в ярком пламени Революции...

Пролетариат, помня вас, пришлет в наши ряды новые кадры творцов грядущего Пролетарского Искусства...

Секция Пролетарских Писателей при Лито Наркомпроса.

I-й Всероссийский С'езд пролетарских писателей.

На 10 мая в Москве созывается Первый Всероссийский С'езд пролетарских писателей.

Разбросанные по городам и глухим углам Советской Республики, отдающие свои силы, помимо литературы,—культурно-просветительным и политическим работам страны, рассеивая словом художника тысячелетнюю тьму народную, зажигая огни нового пролетарского творчества и винтовкой красноармейца в то же время отражая нападения белогвардейцев, пролетарские писатели не имели времени, места и сил подумать о своей неорганизованности, об улучшении своего жизненного положения, о выявлении своего взгляда на искусство прошлого и настоящего.

С переходом страны на мирное строительство,—Первый Всероссийский С'езд пролетарских писателей будет первым организационным начинанием писателей-рабочих.

Работающее в настоящее время организационное бюро по созыву съезда в составе: председателя бюро, тов. В. Кириллова, секретаря С. Обрадовича и членов тт. Самобытника, Герасимова, Сивачева, Волкова, Санникова, Казина и Александровского к предстоящему С'езду наметило следующие вопросы, разрешение которых имеет первостепенное значение:

1. Текущий момент и задачи пролетарской литературы.
2. Пролетарская литература и ее отношение к прошлым и современным течениям в искусстве.
3. Пути пролетарской литературы.
4. Отношение к Пролеткультам.
5. Издательское дело, и
6. Образование Союза пролетарских писателей.

Много и других организационных вопросов, давно назревших на местах, встанут остро на съезде и потребуют по укладу современной революционной жизни немедленного разрешения.

На Первый Всероссийский С'езд пролетарских писателей с совещательным голосом приглашаются по одному представителю от литературно-творческих групп Пролеткультов и других рабочих литературных организаций, а также по одному представителю: Пролеткультов Московского, Петроградского, Ц. И. К. Всероссийского Пролеткульта, Наркомпроса, Ц. И. К. Российск. Коммунистич. партии, Ц. И. К. Советов, Ц. И. К. Проф. союзов, Союза Советских Журналистов, Роста, Московского Совдепа, Лит. Отдела Наркомпроса, Дома Печати, и прессы.

Персонально, с решающим голосом, приглашаются товарищи: А. В. Луначарский, М. Горький и Н. Ленин (почетными членами), В. Кириллов, М. Герасимов, В. Александровский, М. Сивачев, С. Родов, С. Обрадович, В. Казин, М. Волков, Самобытник (Маширов), П. Орешин, И. Филипченко, Я. Бердников, М. Праскунин, Демьян Бедный, С. Фомин (Кречетов, Моск. Пролеткульт), И. Шувалов, Е. Е. Нечаев, Гр. Санников, Н. Н. Ляшко, С. Ганьшин, Ф. Шкулев, И. Ерошин, Соколов (Сокол Красный), И. Усти-

нов, (Член Сурик. кружка). Г. Устинов, Н. Полетаев, Ф. Киселев, А. Динин, Н. Тихомиров, П. Арский, Кузнецов, А. Крайский, Садофьев, Н. Рыбацкий Мазин. Власов-Окский, Грошик, Малашкин, Царев-Торский, И. Ионов, А. Чапыгин, М. Артамонов, Чумбаров-Лучинский, Леонтий Котомка, Н Дегтярев, И. Кубиков, В. Плетнев, Оков (Казань), И. Ильин, В. Кузьмин, С. Фахторович, И. Шершнев, Поморский, И. Логинов, К. Лоптин, Ермаков, И. Назаров, Степан Брусков, Заводский, Н. Отсоли, В. Попов, Изгнанник.

За всеми справками Организационное бюро по созыву с'езда просит обращаться по адресу: Москва, Никитский бульвар, д. № 8 Дом Печати, Мандатная комиссия.

С. О.

ЗВЕНО.

Звеном звенит звено,
Прикованное к цепи.
Сообщества давно
Не видел я нелепей.
Со стариками молодежь
Застряла лет так за-сто,
Зато у них найдешь
Самовлюбленность часто.
Эх мы, да мы, да мы.
Да что там пролетарий,
Мы—старожилы тьмы
И кто нас в этом старей.

Ежик.

„ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ"!

КУЗНИЦА

ОРГАН ПРОЛЕТАРСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ.

Июнь. № 2. 1920 г.

ИЗДАНИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ОТДЕЛА НАРКОМПРОСА.
Москва. —1920.

Совещание пролетарских писателей.

10 мая, в Москве, в помещении Дома Печати, вечером открылся Всероссийский С'езд пролетарских писателей.

Перед открытием вставанием была почтена память умерших товарищей: Ф. Калинина, беллетриста П. Бессалько, поэтов: С. Владимировой, Р. Глушицкого, А. Гуцевича, С. Заревого и А. Зарницына.

После исполненного Интернационала, председатель Организационного Бюро по созыву Съезда т. В. Кириллов, приветствуя С'езд, обрисовывает тяжелые условия работы по организации Съезда, выясняет причины, в силу которых на С'езде констатирована малочисленность приехавших делегатов провинции.

Тов. Маширов-Самобытник, основываясь на неполном представительстве провинции на с'езде, оглашает принятую Организ. Бюро резолюцию считать С'езд—Всероссийским Совещанием пролетарских писателей, а I-й Всероссийский С'езд пролетарских писателей назначить на 15 сентября с. г.

По докладу председателя мандатной комиссии выясняется, что на совещании с правом решающего голоса присутствует 59 чел., с правом совещательного—90 чел.

Представительство имели города: Москва—93 чел., Петроград—15 чел., Харьков—2, Омск—1, Екатеринбург—1, Рязань—2, Пенза—1, Тверь—12, Саратов—1, Киев—1, Самара—2, Тамбов—5, Тула—1, Кашин—1, Казань—1, Калуга—1, Курск—1, Ярославль—1, Севск—1, Смоленск—1, Оренбург—1 и Екатеринослав—4 чел.

По составу распределялись следующим образом: секция пролетарских писателей Москвы—12 чел., от литературных рабочих кружков—27, от литературных студий Пролеткультов—20 чел., прессы—25, от разных рабочих организаций—44, персонально—21 чел.

По партийности: коммунистов—67 чел., анархистов—2, меньшевиков—2, интернационалистов—3, с.-р.—1, беспартийных—74 чел.

После избрания президиума совещания, в состав которого почетными членами избраны: тт. М. Горький, А. Луначарский и В. Ленин, и утверждения регламента совещания—с докладом «о форме пролетарского творчества» с точки зрения научной критики выступил тов. Богданов.

По мнению докладчика, пролетарское творчество должно быть чрезвычайно простым по форме и огромным по своему содержанию. Пролетарию следует изучать жизнь коллектива, для чего необходимо возможно глубже изучить все то, что до сих пор уже было сделано для того коллектива и изучать не по худшим, а по самым совершенным образцам; в своей же творческой работе пролетарию не следует забывать, для кого именно создается им произведение.

Против этих обязательных основ пролетарского творчества иногда грешат некоторые пролетарские поэты. Их произведения бывают слишком туманными по содержанию при крайней изощренности в форме. Туманность же произведения делает их непонятными не только рабочему, но часто и даже

и интеллигентам; а излишняя филигранность формы не совместима, не гармонирует с огромным содержанием пролетарского творчества. Эти тесные рамки формы только мешают художнику. Обыкновенно под стремлением к изощренности формы кроется бессилие дать удовлетворительное содержание. Как на пример простоты докладчик указывает на классиков—Пушкина, Лермонтова, Байрона, Гете, Шекспира.

Тов. Герасимов, возражая докладчику, отмечает, что т. Богданов собирался подходить к критике пролетарского творчества с научной точки зрения, однако таких научных обоснований т. Богданов в своем докладе не привел. Тов. Богданов,—говорит далее т. Герасимов,—заявляет, что нам нужно итти к Пушкину, Гете и др., как образцам простоты, но ведь и Пушкин далеко не прост, если его проанализировать.

Тов. Родов говорит, что, если «Монна Лиза» т. Герасимова непонятна рабочему, не более понятен ему и «Фауст» Гете.

Тов. Кириллов находит, что в стремлении к простоте нужно иметь художественную меру. Если бы искусство было так же понятно, как фельетон, оно не было бы тогда искусством. Но это и не значит, что искусство должно быть туманным: наоборот, великое произведение должно обладать и величайшей простотой формы.

Тов. Обрадович отмечает, что т. Богданов в своем докладе указывает только на неудачные стихотворения т. т. Герасимова и Александровского, совершенно как бы забывая о тех прекрасных произведениях, которые у них имеются помимо цитированных докладчиком. Пролетарское творчество идет по новому пути, пути образного мышления, конкретизации содержания, а не изощренности.

Тов. Санников заявляет, что вернуться к простоте формы—это значило бы отказаться от революции в искусстве. Что же касается критики творчества вообще, то не критика указывает пути художнику, а художник критику.

В результате прений Совещанием принимается такая резолюция:

«Пролетарская литература должна посредством художественных обобщений отражать весь коллективный опыт трудовых масс, ее назначение давать наибольшее количество переживаний в материальной и духовной жизни для наибольшего количества людей: поэтому она должна быть художественна и доступна по форме и содержанию. Для того, чтобы содержание пролетарской литературы выявилось в современной и соответствующей духу времени форме, необходимо изучение техники литературного творчества. Пролетарский писатель должен уметь писать, он должен изучить историю слова, его ритм и музыку, законы гармонии образов, мысли и техники. Но изучение техники слова не должно быть оторвано от жизни или стоять выше над ее изучением. Современный сложный момент требует от нас наибольшего изучения именно содержания жизни; поэтому пролетарский писатель должен беспрерывно пополнять свой запас знаний и умножать свои наблюдения над жизнью, памятуя, что новое содержание определяет и новую форму».

В вечернем заседании второго дня т. Лебедев-Полянский делает доклад на тему: «Место пролетарского писателя в жизни».

Докладчик развивает мысль о том, что пролетариат должен быть господином не только в политике и экономике, но также и в области культуры. Если партия, в силу некоторых тактических соображений, может иногда итти на компромиссы и об'единять разношерстный элемент, то в области культуры это недопустимо. Здесь необходима строгая однородность идеологии объединенных людей. В пролетарской науке, как в партии, могут почти все принять участие в работе; ту или иную научную задачу сможет разрешить и интеллигент и крестьянин, в искусстве же не пролетарий не сможет выразить пролетарского чувства, так как он сам его никогда не переживал. Но и не всякий писатель-рабочий есть пролетарский писатель.

Для художника пролетария нужно создать такие условия, чтобы он был вполне самостоятельным в своем творчестве и находился вне вредных для его идеологии влияний буржуазных и крестьянских писателей.

Доклад вызвал продолжительные острые прения.

По заслушании доклада т. Лебедева-Полянского, т. Машировым вносится предложение об об'единении пролетарских писателей во Всероссийский Профессиональный Союз пролетарских писателей, открыв туда доступ и крестьянским писателям, стоящим на коммунистической точке зрения.

После непродолжительных прений принята резолюция:

I. Об'единяя всех пролетарских писателей, главным образом вышедших из рабоче-крестьянской среды, и заботясь об улучшении их материального положения, Союз ставит себе целью подготовку из них деятелей пролетарской культуры, путем оформления и развития их литературных дарований.

II. В осуществлении своей цели Союз ставит себе следующие задачи:

а) Заботу об улучшении материального и экономического положения пролетарских писателей, пользуясь всеми правами профессиональных союзов и входя, как секция, во Всероссийский Союз Работников Искусств.

б) Представительство и защиту интересов пролетарских писателей в общественных и государственных организациях.

в) Организацию лекторского и агитационно-пропагандистского бюро по всем вопросам пролетарской культуры, организацию революционной эстрады и клуба пролетарских писателей.

г) Организацию пролетарских литературных студий, литературных кружков, школ и курсов журналистики.

д) Устройство литературных вечеров, лекций, концертов, митингов и участие в народных празднествах.

е) Организованное обслуживание литературными произведениями пролетарских журналов и газет.

ж) Организацию издательства пролетарской литературы, входя для этого в соглашение со всеми государственными издательствами.

з) Участие во всех с'ездах, конференциях, совещаниях, имеющих общественный характер и касающихся вопросов пролетарской культуры.

В утреннем заседании третьего дня Совещанием утверждается новый состав Организационного Бюро, которому поручается организация Всероссийского Союза пролетарских писателей и созыв I-го Всероссийского Съезда пролет. писателей.

В Бюро вошли членами тт.: Маширов, В. Кириллов, М. Герасимов, Грошиков, М. Волков, кандидатами тт.: Игнатов, В. Александровский и Тихомиров. Два места предоставляется Ц. К. Совета Пролеткультов.

Заслушаны приветствия Совещению: от Петроградского Пролеткульта, Литературного отдела Наркомпроса, Суриковского литер. кружка, Тверского литер. кружка имени Никитина, от Всеукраинского отдела Искусств, Литературного комитета Украины, от группы латышских пролетарских писателей, от японских журналистов, находящихся в Москве, от пролетариата Японии.

Затянувшиеся до вечера доклады с мест выяснили плохую организованность и беспомощность пролетарских писателей провинции и почти полную разобщенность и оторванность от центра уже имеющихся организаций.

В вечернем заседании т. Керженцевым был сделан доклад «О задачах пролетарских писателей», в котором говорил о необходимости для пролетарского писателя итти в рабочие массы, выступать с чтением своих произведений на людных площадях, собраниях, митингах, итти в новом творчестве совместно с массой.

После доклада был организован «вечер пролетарской поэзии», на котором выступило более двадцати поэтов Москвы, Петрограда и провинции.

С новыми взволнованными думами, с криками «Да здравствует пролетарская культура», с пением Интернационала — Всероссийское Совещание Пролетарских писателей заканчивается.

Московский союз пролетарских писателей.

Объединившаяся группа пролетарских писателей гор. Москвы на заседании 14 мая в присутствии около 25 челов. наметила Устав Московского Союза пролетарских писателей, разработку в котором целей и задач Союза, согласно принятой резолюции на Всероссийском Совещании Пролет. писателей 13 мая, поручила Правлению.

В Правление избраны товарищи: М. Герасимов, В. Кириллов, С. Обрадович, М. Сивачев, Н. Ляшко, В. Александровский и М. Волков. Кандидаты кооптируются Правлением.

В ревизионную комиссию вошли тт. Е. Нечаев, Ф. Шкулев и Шершнев.

Справки в Подотделе Пролетарской Литературы Лито Наркомпроса (Тверская, М. Гнездниковский п., д. № 9, тел. 197-97).

---✱---

…на 15 р.

ИЗДАНИЕ
ЛИТЕРАТУРНОГО ОТДЕЛА
НАРКОМПРОСА.

1-я Гос. типогр. [illegible]

„ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ"!

КУЗНИЦА

ОРГАН ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

Июль. № 3. 1920 г.

ИЗДАНИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ОТДЕЛА НАРКОМПРОСА.
Москва.—1920.

Встречной в сторону шарахается: «очумел старый... не ровен час заслышат белые—и голову на рукомойник...»

. . . .

— Деда!.. Куда путь—дорогу держишь?..
— Робяты!..
— Иль с белыми не поладил?..
Отмахнулся дед:
— Ружишка слободнаго нет-ли?..
— Найдется... найдется... Идем с нами белых выбивать...

. . . .

VIII.

... Деда, ты все в небо палишь, патроны задарма изводишь!
— Погодь-те, робят, глаз слезой забило... мерещит...
— Ты ниже цель...
Пальнул дед пониже...
— Ай-да, деда!.. Ты офицера у них уложил!..
— Небось который петьку-то слопал!..
— Пожалуй и он...
— Слава те, Господи!..
— Товарищи!.. В атаку!.. Ура!..
— Урра-а-а-а...
Загудели, как пчелы при рое... Дед—маткой передом лупит, борода по ветру вьется...

. . . .

Сдержит-ли плотина какая воду весеннюю, сможет-ли сила какая сопротивиться порыву душевному?..
Не может!..

11/IV, 1920 г.

Михаил Волков.

ЗАКОВЫКА.

Гунявит как нищий-слепец—великопостный звон—на карачках ползет по золотушно-весенним полям, корявыми пальцами цепляется за деревья и где-то в сумерках тихо-тихо замирает.

Церковь зазывно подмаргивает в окошко одним глазом: к нам, мол, пожалуйте: покупаем, продаем и в обмен берем.

И несет люд — бремя грехов в мену на слово,—льстивое,—поповское... и станет на душе и в мошне так легко-легко.

Батюшка похаживает—бороду поглаживает, покхмыкивает: Бога гневить нельзя—эк пятаки позвякивают.

Опростал дядя Клим душу от грехов, поди, короба с два свалил, а все на душе камень лежит.

Идет-идет, да вдруг словно лошадь зарочистая—станет, мнется на месте, в затылке поскребет и рукой отмахнется:

... Гм... эка оказия...

Запала в голову какая-то загвоздка—зудит мухой назойливой—а не поймаешь...

* * *

Жил-жил эва сколько годов отмахал: вскачь не догонишь—все как по писанному шло: изо дня в день корпел за работой и никакая думка голову не тяготила.

А тут как-будто вдруг от слепоты прозрел: выйдет хоть бы на косьбу, кинет округ глазом: ширь зеленей стелется, там где-то далеко-далеко земля с небом обнялась, солнышко таково ласково в лысину целует, из травы цветочки улыбаются и такое найдет умиленье, просто душа плывет—облачком кисейным расплывается...

Пичужка какая чирикнет—ну, что-ж, думается, особенного—слава те Господи—за свою жизнь птичьего голосу ни весть что переслушал, а тут словно спичкой по душе чиркнет—так и загорится.

Кумекал-раскумековал дядя Клим, что за притча такая с ним сталась—да так и не раскумекал.

Дедушке Левонтию—знахарю порог обивал—поглядел дедушка в ковшик с водицей—с «самим» пошептался—притка, говорит, с ветру напущена, а снять нельзя, на крест заговорено.

Он к Егоровне—божьей богомолочке,—та с угодниками свой человек—коли не помогла сила темная, не вызволит ли сила небесная.

Пораскрыла Егоровна наугад книгу евангельскую—чтет стих: не подошло, качнулась к твореньям Златоуста, Лествичника: не-то, и только царь-Давыд псалтырью истинну изрек: «Дни человека, как трава, как цвет полевой, так он цветет. Пройдет над ним ветер и нет его»...

И говорит Егоровна таковы слова: душа тоскует перед ростанью...

И пустился дядя Клим в жизнь душеспасительную: в заутреню—заутреничает, в обедню—обедничает, нищий в окошко

стукнет—кус норовит с гаком отвалить, коль глаза залукавят—немного ли... нечистому прямо в бельмы через леворуку харкнет.

Наденет рубаху—белее снега—каемистую, с ластицами подмышками—красными, портки пестрядивые, что ручьи после дождя, полосой пестреют—сядет на завалинку, нейдет ли из-за околица Косариха—с косой: созрела былинка—на коси..

Сосед однолеток подсядет:

— Не преставился?..

— Скоро... Чую, как душа на небо рвется...

— Чай с жистью расстаться нехотно?..

— Пожито—погрешено... пора и на покаянье...

Сидят и о жизни праведной балякают..

Бабы по улице цветнеют, поравнялись:

— Дядя Клим—все еще на земле—болтаешься, а мы думали—уж небо топочешь...

Ведь у бабы не язык—жало змеиное...

Першит у него в горле слово—забористое, шибанул бы, сукиных дочерей, сплеча.. да никто—как ангел в правое ухо упередил:

— Ой, спасенье не в спас пойдет!..

Молитвословит лукавый: кукиш с маслом получил.

Сыновья иной раз с укором:

— Неча, лысину-то зорить, чай и помочь в работе не грех..

Экий народец и кончине праведной—завистно.

Ждет, пождет дядя Клим, а смерть к нему нейдет.

* * *

Пора страдная в разгаре—домочадцы все на работе.

Пригрелся на завалинке дядя Клим—поднял бороду кверху, глядит—под князьком в гнездышке детеньшки ласточки копошатся, красненькие ротики раскрывают, пищат. Вот мать прилетела—мошку сунула, чирикнула: сидите, детки, смирно, и улетела.

Как туман над полями ползет ему в голову думка:

— Вся-то с кукиш, а тоже своя забота есть, с коих пор поднялась на работу... Пяток ртов прокормить—не шутка... что ей—только на эфтом свете и жизнью пользуйся—подохла и нет ничего.. а мы живем—маемся-маемся, да и на том-то свете черти драть будут... Ой, и опять помыслом согрешил!.. прости, Господи, мое согрешенье... тьфу... тьфу... сгинь лукавый!

... Ишь ты подвернулся врасплох захватил, вот тут и сподобься жизни праведной..

Глядь, Тараска Авдотьин, парнишка-грамотей с книжкой бредет: книжонка с виду так себе не казистая—закурки на две хватит, не больше...

— Дешка, чтой-то такое на книжке написано: «Проле... про-ле-та-ри-я.. всех стран.. сое-ди-няй-те-ся?..

— Шут-те знает что!.. Теперь народ мудреный пошел.. ни Бога, ни царя знать тебе не хочет... сами мол управимся.

... Д-да... а слово-то занятное... Как бишь его... «Прота-ле»... сразу видно, что слово-то господское—не распоясавшись, нашим дубовым языком и не выговоришь..

— «Проле»...

— Ты, малец, катись-ка к Андрону—он книжник, библию который год осиливает, кабы, говорит, до смерти успеть... большо-ое спасенье будет..

Тараска взглянул, по заднице для прыти шлепнул и вихрем понесся к деду Андрону.

— Вот она грамота-та силища какая.. мальчонка—соску еще не забыл, а уж может знать, что на край свете деется... а я прожил всю свою жисть словно в теми какой... Э-эх-хе!.

Шествует с Тараской дед Андрон—старик кряжистый с очками на носу.. подсел на завалинку, поправил очки, взял книжку: сначала отдалил, потом к глазам поднес..

— ... «Проле-та-рие всех стран соединяйтесь... Мм.. что означает—доподлинно сказать тебе не смогу... а-а, это, пожалуй, как бы вроде, как на священных книгах пишут: «благословиши, Господи, венец лета твоя»... Отродясь впервой такое слово слышу... Дако-се в книжонке померекаем, не будет ли там разгадки...

И принялся за чтение Андрон—все равно, что лошадь по дороге ухабистой—коли трухнуть нельзя, так шажком плетется, из колеи на слове заковыристом выскочит—назад воротится, все же за лето-летинское до конца доплелся...

Дядя Клим слушает да ахает:

— Погодь, Андрон... Неужель—так и пропечатано: дескать, вся сила в нас самих... Ни Бог, ни царь не помогут, коль сам за ум не возьмешься?!.

— Давай-ка еще раз побукварим—по этому месту... опять выходит: Бога-то и нет—попы для своих барышей—люд морочат... Только, братец мой, не возьму в толк: кто же на горе Синае Моисею—гремел: «Аз Господь Бог твой»... Лико-то точно Моисей не видел, а голос слыхал.. в Библии доподлинно расписано..

— Може—Моисею-то только почудилось..

Дальше-больше и поняли Клим с Андроном, что рай на земле, а не на небе—вся сила в труде... работай, и работай.. весь народ, как братья, должны сбиться в работе в одну семью.

— Эх, Клим,—кабы эта книжица допрежь в руки попалась... Сколько годов на Библию-то потерял..

— Д-да, Андрон, выходит все мое спасенье прахом пошло. От кого же награду получу, коли и я, как животина подохну и капут.. Истинно в книжке говорится: «Человек вечен в потомстве и делах рук своих».. По губам попы раем мазали... на привязи держали.. Понимаю чему—душа-то радовалась прояснению ликовала...

— Так, Клим, оставить нельзя, нужно всем объявить пускай расчухают.. давай-ка, все, что в книжке бается,—соорудим...

— Дельно..

Народ мимоходит, зубоскалит:

— Вить старые хрычи, как воронье к непогоде разгалделись...

Снял рубаху—смертельную дядя Клим—да в работу подался: инда коса звенит—поет.

Дивится люд—что-то подеялось.

— Аль на небе отсрочили?.

Ухмыляется в бороду Клим, с Андроном перемигиается:

— Вот ужо дай срок, узнаете..

* *
*

«Начинаем, начинаем—на-чинаем!»... заманивают колокола к обедне.

Дьячок горох по полю сыплет—чтет часы.

Батюшка в алтаре просвирами орудует.

Мужиков в церкви маловато,—пока до начала—табашничат.

Старухи у кануна сродников поминают.

Девки по парням глазом стреляют, шушукаются, в рукав хихикают.

. . . .

Вошел дядя Клим в церковь—лба не перекрестил—прямехонько, шасть, на место поповское—проповедное...

Люд глаза таращит: обалдел старой...

... Православные!..

У дьячка аминь на языке повис—у попа просвирки на пол прыснули...

... Так значит Бога нет!.. и николи не было... все выдумка одна... Значит, всяк сам на себя надейся... Иное дело одному невмочь, берись собча... Как это в книжке говорится: коли ты силен—лядащего не забижай.. Чтобы, того, все ровня-ровней.. Коли мне не верите, Андрон—порука...

— Что правильно, то правильно... так и в книжке пропечатано... грянул Андрон..

Старухи отплевываются:

— Отцы родные, и другой рехнулся... Не он первой, не он последний библей-то зачитался..

Батюшка из алтаря:

— Гоните, провославные, взашей осквернителей храма сего!..

Сторож Масей с дьячком Антропом, как клещ-червь, впиявились в ворот Клима—да из церкви потянули, заодно и Андрона прихватили...

— Вот-те и праведники...

Молчит люд—размышляет:

— Будто и правда... а кто—е... знает... Тут заковыка какая-то...

Здесь дьякон завладычил...

Руки проворно крестом замахали..

И пошла плестись паутина...

Михаил Волков.

Стоящим на мосту.

Крики и думы.

— Эй! уйди с моста, пока ты один!..

«Не слышит, прижимается локтями к перилам и глядит, глядит. Зачем?.. И так голос воды гремит громко, слишком громко. Как труба. Нет, как тысячи труб. Каким ртом надо дуть, чтобы все они пели?»

— Слушай, уйди!.. или ты глухой и издали не слышишь ее голоса?!

«Как она влюблена в землю... Долгую зиму лежала снегами, безгласная, покорная. Все попирали ее ногами, мяли, душили,—это ее, ее... Оттого так яростно она радуется, трубит в небо низвергается с вершин, спешит из тьмы щелей и с криками, звоном, лепетом мчится и брызжет, и пенится, и кружит все, что захватила в беге.»

— Эй-эй!.. Берегись! рядом с тобой останавливаются другие.

«Разве они почуют в гремящем под мостом и в берегах голосе родное лесному реву, сумашедшее?.. Сильных верою вода кличет помериться огнем радости, упорства, а хилых, безкрылых пытает: кто вы?.. зачем вы?.. солены, горьки или сладки реки ждущих вас краев? На чем полетите вы отведать их? где ваши крылья? Какую песню пропоете вы там?..»

«Днем она тревожит слабых, а во мраке, когда слышен рев тысяч труб, прижатых к непомерным устам, манит, обещает покой, шепчет им о ненужности их сердец, душ, дум, голосов и сил.»

— Послушай!.. уже вечереет... Набережные огни золотыми веретенами устилают бурлящую воду. Уйди, не мешай ей петь! Обернись к стоящим с тобою. Куда зовет их вода?!. Пожалей их, пока не поздно! скажи им родное,—словами оторви от воды!..

«Не понимаешь. Ну так я сам крикну:»

— Э-эй! Вы глазами хотите сделать воду прекраснее?!. Ха-а!.. На площадь привезли хлеб и раздают. Хлеб! Даром раздают, а вы стоите. Да, вон там, даром!

«Дернулись и заспешили, поблескивая глазами. Сегодня радость воды в зените сумасшествия, и я солгал. Горе очарованным в сумерки тысячетрубной музыкой на мосту. Ноги их подкосятся, и они полетят туда, через перила. Во тьме и холоде вешних объятий сознание их пронижут молнии. Они в миг увидят всю свою жизнь, ощутят силы, рванутся назад, но вода, как соломинки, скомкает их усилия, закружит, будет торжествующе бить о мосты, о пали и выбросит на гудящий берег вехой радости и буйного праздника.»

— Не глядите! В ваших глазах тоска по покою и хилость, а она, вы слышите, как она молода?!. Родилась с первыми весенними ветрами. Пьяна днем рождения! Вон—один из вас уже упал в нее. Не кричите!..—она не отдаст его вам! Ваши голоса тонут в реве тысяч труб, гремящих о победах и радости! Плотины все сломаны, тишины нигде нет. Всюду поет полая вода! Гимн ее мчится за уходящим днем, догонит, обнимет его... И вновь небо станет алым! Все живое всклубится от предчувствия грозы и радуг, а вы будете стоять и ощутите лишь зябь и страх!..

Н. Ляшко.

Секция пролетарских писателей.

Секция пролетарских писателей при Литературном Отделе Наркомпроса за последнее время усиленно развивает свою деятельность.

Секция приступила к изданию журнала «Кузница», три №№ которого вышли, а последующие готовятся к печати.

Подготовлен I-й Пролетарский сборник-альманах, куда вошли поэмы М. Герасимова—«Октябрь», Александровского—«В огне», С. Родова—«Инна», стихи С. Обрадовича, В. Казина, Е. Нечаева, Г. Санникова, Н. Полетаева.

Приняты к печати сборники стихов и рассказов: М. Герасимова, стихи «Железная весна», книга первая, Александровского, С. Обрадовича—«Взмах», В. Казина—«Рабочий Май», Г. Санникова—«Стихи», Дорогойченко—«Земные небеса», А. Гуцевича—«Стихи», М. Сивачева, рассказы и Н. Ляшко «Рассказы».

С марта месяца с. г. редакционной коллегией проредактировано более 200 рукописей стихов, рассказов и пьес.

Ведется оживленная переписка с авторами.

За время своей работы члены секции выступали с чтением своих произведений на многочисленных концертах и митингах, среди которых надо отметить: концерты в дни чествования юбилея В. Ленина, в комитете Р. К. П. и в Доме Печати, районные выступления в день 1-го мая, концерты в 51-м госпитале, в клубе ВОХР, 2-й Дом Советов, Дом Союзов, в школе военной маскировки, клуб «Красные огни», обувная фабрика Универсаль, Политехнический музей, в доме имени рабочего Алексеева и др.

Секцией была проведена работа по созыву Всероссийского Съезда пролетарских писателей, окончившегося совещанием 14 мая.

С начала мая организованы воскресные литературные собеседования, на которых выступало с чтением стихов, рассказов и пьес около 40 авторов.

Помимо разбора прочитываемого, на беседах затрагивались и вызывали продолжительные оживленные прения идеологические вопросы творчества.

Число посещаемости за месяц—более 300 человек. Большинство присутствующих—из рабочих и красноармейских литературных кружков Москвы.

В ближайшем предполагается ряд диспутов по вопросам пролетарского творчества.

Письмо в редакцию.

Уважаемые товарищи!

Прошу дать место в вашем журнале сладующим строкам:

В № 13—14 издания „Пролетарская Культура" помещена рецензия т. О. М. Брика на мою книгу „Наука о стихе". Не в моих привычках отвечать на рецензии. Но одно утверждение данной заметки не могу оставить без ответа. Т. Брик пишет: „Книга Брюсова вредна. Пусть пролетарские поэты не ломают голову над ней. В лучшем случае она не даст им ничего, в худшем—собьет их с толку."

Моя книга *предназначена не для поэтов*, как пролетарских, так и иных. Я не ставил себе наивной цели теорией стиха учить поэтов писать стихи. Стих есть явление в ряду других явлений и, как таковое, подлежит научному исследованию. Притом именно стих, уже существующий, не тот, который, может быть, возникнет, и тот, которым писали русские поэты „от Ломоносова до наших дней" (насмешливое выражение т. Брика). Рассмотреть законы этого стиха — такова, и только такова, была моя задача. Полагаю, что каждому пролетарскому поэту это становится ясно, как только он берет в руки мою книгу, так что предостережение т. Брика совершенно излишне.

В заключение — только одно замечание. Желая высмеять мои теории (кстати,—конечно, не мои, а только впервые систематически изложенные мною в применении к русскому стиху), т. Брик насмешливо заявляет, что, по моим методам изречение „останавливаться строго воспрещается" окажется, пожалуй, стихом, и начинает исхищренно выискивать в нем „сочетание анапеста, ямба, амфибрахия и анапеста с дактилическим окончанием". Увы! знатоку теории Вестфаля, каким выставляет себя т. Брик, следовало бы знать, что избранное им „изречение", в метрическом отношении, представляет собою просто 6-стопный хорей, того же типа, как выражение (пример, приводимый Ф. Е. Коршем): „Высочайше утвержденная комиссия", или как былинный стих:

На корме была беседа, дорог рыбий зуб.

Валерий Брюсов.

В. А. Кузьмин.

9-го июля с. г. от туберкулеза скончался рабочий-белетрист Василий Андреевич Кузьмин.

Покойный резчик-столяр по профессии, свободное время отдавая литературе и самообразованию, сотрудничал с 1910 года в журналах «Народная Мысль», «Народная Семья», «Огни» и др. рабочих органах.

Охваченный революцией 17 года, горячо работает на фронте в солдатских организациях. Во время осеннего германского наступления попадает на островах под Ригой в плен, тоскуя по работе и России бежит через пролив по льду, тонет и попадает в руки германской береговой стражи и тюрьму.

Последствием побега было острое заболевание легких.

Покойный состоял членом секции пролетарских писателей. До последних дней много работал над рядом рассказов из революционной рабочей жизни, долго и тщательно занимаясь стилем, слогом и словом.

Он был кузнецом слова, острого и яркого...

Вечная память, дорогой товарищ...

Издание Литературного Отдела Наркомпроса.

Редакционная Коллегия Под'отдела Пролетарской Литературы.

„ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ“!

КУЗНИЦА

**ОРГАН ПРОЛЕТАРСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ.**

Август—Сентябрь. № 4. 1920 г.

ИЗДАНИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ОТДЕЛА НАРКОМПРОСА.
Москва.—1920.

Вторая Государственная типография. Трехпрудный, 9.
Печ. 10,000 экз.

СТИХИ

ПРИВЕТ III ИНТЕРНАЦИОНАЛУ.

К нам, кто сердцем молод!..
Ветошь веков—долой...
Ныне восславим Молот
И Совнарком Мировой...

Боги былые истлели;
Нам ли скорбеть о том?..
Резких пропеллеров трели,
Радио мы воспоем;

Трактором разума взроем
Рабских душ целину,
Звезды в ряды построим,
В вожжи впряжем луну.

Новые дали измерим
Взором прожекторов глаз.
Мы никому не поверим
В сказочный райский Шираз...

Здесь, на земле, будем биться,
В терниях, розах, крови.
Знаем, здесь загорится
Солнце вселенской любви.

Что нам до мудрости тощей,
Пепельной пыли веков,—
Нашей бунтующей мощи
Нет и не будет оков...

К нам, кто сердцем молод!..
Счастье возьмем борьбой!..
Ныне восславим Молот
И Совнарком Мировой!..

Влад Кириллов.

Искусство—интернационально! Да здравствует пролетарское искусство Всех стран!..

РЕВОЛЮЦИЯ.

Весенним соком льется пламя
Из-под рассохшихся полен
И оперенными стрелами
Пронзает холод мертвых стен.

И как живительные льются
Огни в застынувший зенит,
Не так ли Ярость Революций,
Все сожигая, все живит.

Перегоревшие поленья—
В ее горне дела веков,—
И мир в пылающем смятеньи,
И в пепле стаи городов.

И в урагане огнезарном
Она весь свет взмела, как смерч,
И где пройдет—в дыму угарном
За нею голод, мор и смерть.

И где пройдет—над пеплом выжиг
Сожженых радостней стократ
Из облаков сухих и рыжих
Цветы Грядущего пестрят.

Семен Родов.

ГРЯДУЩЕЕ.

Покосились дома на бок,
Налегли плечом на закат.
Тучи за бархат лапок
Хватают, как малых котят.

Вереницами стоэтажных взгорий
Сползли под мировой склон
Полоскать в небесном море
Кумачи красных знамен.

Опрокинулись фабрик дымом
В туманную осень веков,
Над прошлого мерзлой стынью,
Под быки межзвездных мостов.

Протянули миллионный кабель
На каждый межзвездный стык.
На миллионах черных Каабей
Межпланетный язык.

И гудит он напевом поющим,
И каждому внятен и прост.
Мы первые строим к Грядущему
Над миром взброшенный мост.

Семен Родов.

О С Е Н Ь.

Люблю осеннею межою
В колеблемую даль шагать,
Земную изморозь душою
И взглядом пламенным сжигать.

Люблю, когда сдвигают зори
Огни над золотой травой,
Глазами звездными поспорить
С таинственною синевой.

Спадают тихо шкуры лосьи
С опушкового плеча.
Люблю я поздние колосья
В ладонях, как детей, качать.

Они непостижимо хрупки
Под неуклюжею рукой,
Как переполненные кубки,
Слезою брызжут золотой.

В плаще из пурпура и меди,
В лесу звенящем, осень, ты
В серебряный подойник цедишь
Струйки золотой листвы.

И просквозив в озерных чанах
Ведешь вечерние огни.
В одеждах мшистого сафьяна
Молитвенно застыли пни.

Мих. Герасимов.

ПРИ РАЗГРУЗКЕ.

Разговаривали в сумерках колеса
Дребезжащих нумерованных телег.
Ты ушла в туман синеволосый
Хоронить застенчивый смех.

Паровозов удушливые всхлипы
Не скребли уже душу тоской
И тяжелые ящики и кипы
Взгромождались на плечи легко.

Позабыта во рту папироса,
На затылок сдвинут картуз;
Я шатался, как пьяный по доскам,
На телеги наваливая груз.

— Эй, пусти!.. Стоишь, как идол!..
Еще пять порожних телег...
Ах, какую мне тайну выдал
Сегодня застенчивый смех...

В. Александровский.

РО СО ФЕ СО РЕ.

Весы и метр и микроскоп науки,
И властный разум радостно вздыбя
Громадой толп на пьедестал тебя—
Вскрылят твой мозг и сердца перестуки.

И в бой былинный втопчется тропа,
В разгул громов, в разлет чугунных груш
За взмах зовущий, зычный, дивен, дюж—
Взмах накрест молота, серпа.

И за тобой страны любой народ,
Глаз не сводя, как с солнышка подсолнух,
С дел беспримерных и величья полных,—
Не затворит бессмертия ворот.

И вычеканит вечное искусство—
Поэмы слово, звук, палитра, стык—
Весь подвиг твой, всех пыток тусклый крик,
И оргию, и огненный искус твой.

Ты на земле Кольцо Кремля.
И башнями созвездья раня,
В стенах, как в алом океане,
Взметаешь волны
И руля из рук не выронишь заране.

В мирах видений,
В молньях мира с высот мы не сойдем назад,
Леса, подмостки под ногой у нас шатаются,
дрожат,
мы венцы вершим, возводим этажи среди
сражений,
Рискуя провалиться в ад.
Мы, окруженные врагами, всходим выше на сту-
пени,
В сердцах—энтузиазм, набат.

Слышатся песни,
Напрягаются мускулы,
На стенах копошимся как черви,
Как мурвьи все серы и тусклы,
И движенье в каждом нерве,
Каждый вздымает кирпич поотвесней,
Как сердце, облитое кровью, сжимая кладег,
Как сердце, что бьется, в знаменах живет,
У каждого сердце в руках,
Мириады сердец ложатся,
Стены из сердец чувством спаянные на швах,
Ни единого здесь тунеядца.

Бедны, босы,
Но к Заре,
Мы,—по Ро, Со,
Фе, Со, Ре.

Мы,—кто молод
За кирку
И за молот
По гудку.

За топор,
Лопату, лом,
На простор,
На бой, впролом.

Мы,—рабочий, командир,
Дом наш отчий,
Дом наш—мир.

В пушки, в танки,
В пулемет
Все крестьяне и крестьянки,
Весь трудящийся народ.

Гнет угрюм,
И руки стран, —
Рук самум,
Рук ураган,—
Чрез ночлеги
По Европе
И в разбеге,
И в галопе
Все к тебе.

Слей в кулак,
В девятый вал,
И—вот так.
Ты в борьбе,
Щады нет.
О Интернационал,
Наш Тебе привет.

За тобой страны любой народ,
Глаз не сводя, как с солнышка подсолнух,
С дел безпримерных и величья полных.—
Не затворит бессмертия ворот.

Иван Филипченко.

В ГРАНИТЕ.

С. Обрадовичу.

Мертвое золото льна,
Сонную синь равнины
Променял я на страстную дрожь машины,
На напевный звон чугуна.

В темный омут души моей
Полдни весен плеснули зноем...
Было радостно жадным запоем
Пить кочующий гул площадей..

Ты пришел на весенний гром
Звенья песен чеканить в граните,—
Неразрывные проволок нити
Нашу страсть связали узлом.

Мы с тобой сюда принесли
Зерна солнечного задора,
Чтобы вымостить песнями город
Наши братья и сестры могли.

В. Александровский.

* * *

Горячие губы зноя
Любовно прилипли ко мне:
Так не был целован давно я
В северно-бледной стране..

О, полдень... Томленьем ты жалишь
Ступни моих бронзовых ног;
Из сердца я вытряхну залежь
На пыльные версты дорог...

Уйду я от клеверных сказок
К дымящемуся песку,
Чтоб видеть душою стоглазой,
Как солнце сжигает тоску...

Чтоб видеть, как льется в ладони
Горячая влага вина,
Как в небе вспененные кони
Из облачных рвутся канав...

25 VII—920 г.

В. Александровский.

ГОРНОЕ.

Грозовой бури гулкая труба
Над горным городом отгрохотала.
Морщинами нахмуренного лба
Нависли тучи за горой устало.

Лишь над вершиною Машука,
Еще в борьбе не сброшенным забралом,
Отсталые в лазури облака
Застыли и горят зарею алой.

Да у его гранитных мшистых ног,
Напоминая беспокойный ливень,
В лучах искрясь, стремительный поток
Звенит шумней и горделивей.

Пятигорск.
24/VI—20.

С. Обрадович.

СТАТЬИ

О ПУТЯХ ПРОЛЕТАРСКОГО ТВОРЧЕСТВА.

В настоящее время на очереди дня—вопрос о путях пролетарского творчества.

Этот вопрос уже неоднократно ставился, дебатировался и разъяснялся так называемыми «теоретиками» пролетарской литературы задолго еще до ее рождения. Беды бы здесь большой не было, если бы эти люди были сами причастны к творчеству и говорили о новых путях по личному опыту. Но, к сожалению, они смотрят на этот вопрос со стороны, зачастую не разбираясь по существу, и ждут от сегодняшнего и завтрашнего дня какого-то чуда.

Когда явится пролетарская литература, т.-е. когда она заговорит своим полным языком? Завтра. Как явится? Да очень просто: придет, даст коленом под известное место буржуазной литературе и займет ее положение. Вот к чему сводится большинство «теорий» пророчествующих ясновидцев.

Так ли это? Конечно, нельзя дать иного ответа, кроме отрицательного.

Пролетарская литература станет на должную высоту только тогда, когда она выбьет почву из-под ног буржуазной литературы сильнейшим оружием: содержанием и техникой. Первое у пролетарских писателей есть в достаточном количестве. Будем говорить о втором.

Прежде чем начинать бой, нужно хорошо изучить врага: его приемы, как и каким оружием он пользуется. Ведь вполне естественно, что у буржуазной литературы, с ее многолетним опытом и мировым масштабом,—оружие самой новейшей конструкции. Как же могут наши «теоретики» закрывать глаза ожиданием чуда не только самим себе, но и нам, начинающим пролетарским писателям? А что такое, если не закрывание глаз, их жестокая блокада пролетарских писателей от литераторов враждебного лагеря?

Нам говорили, что это делается для того, чтобы не заразить нас ихними болезнями: упадочностью, бессодержательностью, искусством для искусства и т. д. Этого может бояться только тот, кто не верит в железную силу пролетариата. Мы этого не боялись, не боимся и не должны бояться. Если же кто и свихнется в сторону их, то тем лучше для будущей пролетарской литературы: свихнувшийся не был достоин своего класса.

Повторяю, мы не только не должны бояться нашего врага, но мы должны тщательно его изучить, чтобы вполне ясно знать, с кем и с чем мы будем иметь дело.

Его перевес над нами—в технике и в приемах. Мы должны его превзойти в том и другом. Чем пассивнее мы будем относиться к этой задаче, тем мы дальше будем от своей цели. Кто этого не видит, тот не видит ни задач, ни путей пролетарского творчества.

Вот ближайшие этапы-пути, которые прошли и проходят московские пролетарские писатели, объединившиеся около «Кузницы».

Все мы начали, как и следовало, с «азов». С большим трудом, и то не всегда удачно, мы проходили метрическую форму. Нужно-ли это было? Несомненно нужно. Затем цезуры, смешанный метр, аллитерация, свободный стих, пока не докатились до о б р а з а и р и т м а. Все это только этапы, не больше. Правда, некоторые из них мы проходили скоро, как мало нужные нам или, вернее, не пригодные для наших будущих нападений. На некоторых мы задерживались и задерживаемся. Особенно мы задержались (и сейчас еще не ушли) на образе, как на могущественном оружии художественного творчества. Это дало повод (отчасти мы и сами его дали) причислять нас к школе имажинизма. Но причислявшие и причисляющие нас к имажинизму наши опекуны, старающиеся быть нашими поводырями, иногда не совсем добросовестно выполняют свою задачу. Они недобросовестно смешивали и смешивают нас с группой имажинистов (Шершеневич, Есенин, Мариенгоф), с которой мы ничем не связаны.

Это одно, а другое—то, что для этой группы имажинистов имажинизм—грань, наша-же цель—перейти все старые грани. Я не буду больше останавливаться на образе, отсылая читателей к статье т. С. Обрадовича «Образное мышление», помещенной в № 2 «Кузницы».

Второе сильнейшее оружие мы видим в р и т м е. Если первым оружием (образом) отчасти владела и владеет буржуазная литература, то второе оружие для нее тоже новое оружие и кажется самое слабое в ее руках. Ритм это—бог движения. Он не любит кабинетной литературы. «Евгения Онегина» Пушкина можно с первой строчки до последней петь на мотив «Последний нонешний денечек». Но не говоря уже о таких «делах давно минувших дней», мы не находим ритма (я говорю о ритме в полном смысле этого слова) и в новейшей литературе. Ведь нельзя же в конце концов назвать ритмически обоснованными стихотворения Верхарна или Маяковского. У Верхарна может быть есть ритмически построенные строчки, но нет начиненных ритмом стихов, а у Маяковского даже и первого нет. Во всей книге «Все сочиненное Маяковским»—один шаблон, который проходит с первой страницы и до последней и сквозь «Облако в штанах», и «Войну и Мир» и «Мистерию Буфф». Правда, шаблон Маяковского, но и только.

Для нас же ритм имеет гораздо большее значение. Каждое движение поэт должен запечатлеть ритмом. Поворот головы, взмах руки, даже мельчайшие складки губ при разговоре,—все ритмично. Какое широкое поле творчества для пролетарского поэта, слушающего ежедневно музыку труда, музыку железа, машин, ремней, огня.

Исходя отсюда, мы увидим, что метр будет не только не нужным, но и мешающим, вредным. Метр—тюрьма стиха. Риф-

мы и ассонансы будут постольку нужны, поскольку их родит сам ритм.

Отсюда также должны родиться и другие виды искусств: музыка, театр, живопись и проч.

Любопытные в этом отношении начинания сделал Московский Камерный театр. В свою основу он поставил движение, ритм, но вся беда театра в том, и это очень характерно, что для него нет еще подходящих пьес, или вернее—буржуазия не в состоянии была дать театру таких пьес, что еще раз доказывает, что ритм занимает в буржуазной литературе чуть ли не последнее место. И не потому, что буржуазные писатели не хотели ритмически писать. Они хотели, но они не могли, в виду их психологического параллелизма.

Чем художник тоньше уловит и передаст ритм труда, тем он будет понятней и ближе трудящейся массе. Здесь-то вот и будет тот экзамен на пролетарского и не пролетарского писателя, о котором так заботятся «теоретики» и опекуны пролетарской литературы. Тогда не нужно будет удостоверения в том, что ты рабочий, это покажет творчество. Сколько-бы нам Маяковский ни показывал таких удостоверений и ни говорил, что он самый настоящий пролетарский поэт, мы, прочтя его «Все сочиненное», не поверим ему. И это может быть будет единственным критерием.

Образ выкинет ненужный, словесный хлам, которого так много в буржуазной литературе. Образ сожмет, спрессует произведение. От этой прессовки оно получится более сжато, более красочно и более выразительно. При этом образ не даст свободы той режущей инструментовки (аллитерации), которая в последнее время портит произведения как буржуазных, так и пролетарских поэтов. Последние от этого, повидимому, освобождаются. Там, где она кажется необходимой, ввиду не достигнутого еще совершенства группировки образа, пролетарский поэт старается дать как можно мягкую инструментовку даже там, где она должна по существу быть резкой, тяжелой. Вот пример из стихотворения С. Обрадовича «На Воробьевых горах»:

Да город многоокий тяжко, глухо
Ворочает железо и гранит.

Я опять повторяю: это только наши этапы. Мы видим, что и на этих этапах мы уже начинаем брать верх над буржуазной литературой. А сколько их еще впереди!

В настоящее время над образом и ритмом и работает московская группа пролетарских писателей. Скоро ли она пройдет этот этап и пойдет дальше,—покажет будущее. Это зависит прежде всего от нашей сознательности, упорства и благоприятных условий работы.

В исканиях всегда возможны уклонения от прямого пути. Без этого нельзя. Но что мы идем в конечном счете правильно, это—факт. Доказательством этому служит отношение к нам наших врагов. Мы чувствуем на каждом шагу их злобную ненависть к нам и тот страх, страх перед гибелью, который они скрывают за ненавистью. Кажется, чего бы всем этим Маяковским, Бальмонтам и др. на каждом диспуте так яростно огрызаться и визжать на нас? Ведь мы их пока еще не трогаем.

Да—пока! Но они знают, что это «пока» мы уже переходим и им делается не по себе.

Несколько слов о «словотворчестве». Часть футуристов, Хлебников, Каменский, Бурлюк и др., усиленно одно время занялись «словотворчеством». Может быть это и полезное занятие для людей, которым нечего делать, но нам это пока не нужно. Жизнь, по мере надобности, сама творит новое слово. Нам надо уметь обращаться со старым. К счастью, среди пролетарских поэтов этого пока не наблюдается. Возможно, что это современем и будет, но не сейчас и ни в такой форме.

В настоящее время в Пролеткульте образовалась и заняла центральное место группа комфутов. Мы с радостью услышали об этом и приветствуем их, если они не будут застаиваться и пойдут дальше. Группировки,—это ступени к искусству, бояться их—это застыть на одном месте, покончить самоубийством.

Будущему поколению итти будет гораздо легче,—оно пойдет по следам идущих сегодня.

Оттачивай же острее свое творческое оружие, пролетарий! Ты победишь, но ты не должен обольщаться легкостью победы.

В. Александровский.

Авг. 1920.

1-я Гос. типо-лит. (б. Т-во Сытина), Пятницкая, 71.

„ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ“!

КУЗНИЦА

ОРГАН ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

Октябрь—Ноябрь. № 5 6. 1920 г.

ИЗДАНИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ОТДЕЛА НАРКОМПРОСА.
Москва.—1920.

16 типография М. С. Н. Х., Трехпрудный, 9.

Р. В. Ц. Печ. 5.000 экз.

СТИХИ

КРАСНЫЙ КРЕМЛЬ.

Паруса золотых куполов,
Мачты древних причудливых башен,
Дремлет быль ураганных веков...
Ты плывешь кумачевым сияньем окрашен,
Осененный грядой парусов.
И плывут над тобой облака,
Словно дальние гости с поклоном,
Чтоб упиться твоим чудодейным звоном.
Над тобой плывут облака.
Нагруженный сокровищем сказочных цен,
Бриллиантами слез и рубинами крови,
Ты купаешься в зареве пен,
Полон мудрости предков и солнечной Нови,
Опоясанный панцырем стен.
Ленин, светлый провидец-пилот,
Смотрит зорко прищуренным оком
На игру расплясавшихся вод
И числит заветные сроки,
А даль величаво цветет...
И радио-птицы летят и летят из открытых бойниц
За моря, океаны и горы,
Где братья в оковах, где ржавые тяжки затворы.
Где лица опущены ниц;
Там яростней клекот огонь источающих птиц.
И падают, падают слов метеоры, ракеты:
«Ловите, ловите дары непомерных щедрот,
Кометы посланий и звездные строки декретов,
Восстаньте, спешите,—вас Кремль краснозвонный зовет“...
Израненой Индии стоны
И вопли несметных раскосых рабов,
Гнездятся под сенью твоих куполов,
Где молнии бурь начертали вселенной законы.
О, Красная Мекка! О, Ноев Ковчег
Бушующих дней мирового потопа!
В крови и смятеньи Восток и Европа,
Но смел и уверен твой огненный бег.

Плыви, о, плыви златокрылый корабль-исполин,—
Уж голубь несет долгожданную ветку спасенья,
И колокол древняго веча с твоих нерушимых вершин
Вещает народам, что близится день Воскресенья.
Паруса золотых куполов,
Мачты древних причудливых башен,
Ты плывешь кумачевым сияньем окрашен
К берегам величавых веков.

Владимир Кириллов.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ПОЭМА.

1.

Италия—нежная дева—
Горишь на костре.
Труб заводских зевы
Дымом плеснули в тебя острей.
Ты у станка, Беатриче,—
О чем они говорят?
Забыла, как море кличет
И паруса горят;
Забыла запах миртов и роз
И стада Апеннинских коз.
О, смуглая Беатриче!
Слезы над сталью не капай,
Не скомкает трепет девичий
Машина железною лапой.
О, Беатриче, слушай—
О чем станки говорят:
Скоро наши души
Иная спалит заря,
Скоро красные птицы
В мир заманят иной
И в загрубелые лица
Плеснет заревое вино.

2.

Были, как всегда, Флорентийские дали
Нежнее тонов Ботичелли.
Смуглые девушки знойной Италии
Песни тосканские пели.
В фиолетовые туманы кутались
Облачные корабли...

В дыме сигарном мысли путались
У тех, кто были властелины земли.
Они следили, как в шампанском ананасы
Искрили янтарный сок.
Их золотые кассы
Еще не расплавил огненый восток.
Глотали устриц и пили
В вине растопленные жемчуга.
И растекался от ликерных лилий
Знойный угар.
Любовная страсть на вечных качелях
Качала сладостно и горячо.
Не видели, как нежные картины Ботичелли
Гроза расхлеснула багровым мечом;
А там, где железные храмы
Сплетали тысячи дымных венков,
Сочились коралловые шрамы
От укусов станков.
И когда под невыносимыми стонами
Вздрагивали даже фабричные трубы,
Им замазывали макаронами
Окровавленные губы.

3.

...Голос грома грохал
В грот голубой,
Взволнованно охал
Морской прибой...

4.

Снова солнечно и знойно
В Неаполитанской лазури,
Корабли вереницей стройной
Покачивались, не зная бури.
Пиниями опьяненные Апеннины
Дремали меж двух морей,
В оливах нежились спины
Сонных мраморных богатырей.
Мелькало голубое золото
Светляков и звездных глаз.
Мрамор вилл еще не был расколот
Гневом миллионных масс.
В пене цветов нежились страстно
Те, кто были властелинами,

Не слышали рокот властный
Рабов израненных машинами.
Шлифованным аллюминием
Был выложен небесный свод,
И трубы—дымчатые пинии—
Шатром покрывали завод.
Было предгрозно. Четкие линии
И грани прочерчивали дни,
Иллюминированы синие
И красноцветные огни.
Как после митинга машины
Восторженно возбуждены,
По огненным жилам бродили вина,
Терпкие вина гневной волны.
Уже вырывалось пламя
Из форсунок гудящих печей,
Был ясно слышен нами
Рокот прибойный железных речей.

5.

Радио от Коминтерна,
Из златоглавого Кремля,
Через снежные Альпы Берна,
Звездопадом в Ломбардские поля.
Вспыхнул грохот грозных орудий—
Горных обвалов залп.
Тронулись люди
И колонны Пеннинских Альп.
Да здравствует Кремль—
Знаменосец.
В полях всемирной брани!
Эввива Кремль—
Броненосец
В море восстаний!

6.

Блуждала душа гондолой
В тине тихих лагун,
В руке дрожали голой
Нервы рыдающих струн.
У Венецианских палаццо
Никла униженно нищ,
И было чему смеяться
В волнах перебежкам зарниц.

Туристы не смотрят в мозоли—
Кровью весло напоят.
Синею пеной боли
Сочатся его края.
Когда светлой вестью
Коснулось радио струн,
Плеснули местью
В глаза дворцов и лагун.
И чтобы больше не каркал,
В черной сутане, враг
Над древним собором Марка
Пламенем вскинули флаг.

7.

Душа горела верой,
Как пламени лезвие,
Сицилийской серой
Века поили ее.
Когда родной, ослиный
Рыдал надрывный плач,
Навьюченные спины
Бичом крестил палач.
Колени с дрожью гнулись
К острым зубам кремня.
Маслинами слезы блеснули
От поводного ремня.
Трепыхалась, как мальчик босый
Душа в раскаленных камнях.
Которого жалили осы
И сковывал страх.

8.

Рыбаки, довольно хлебать
Соленое вино морей:
Кличет судьба
Ловить иных, не морских, зверей!
Время сетями пунцовыми,
С веранд сверкающих цветочной пылью,
Из-под пальмовых крыльев,
Таскать тунеядцев тунцов.
Крестьяне, черноземные вериги
Распылите в прах,
Вздымайте выше мотыги
В бронзовых руках!

Жизнь билась путником изнемогающим
На последней кремнистой версте...
Из тысячи—тысяча проклинающих
Копоть фабричных стен...

Но теснее сплетали в звено
Непокорных мучительные Будни...
И порвались, однажды, за окном
Гудки фабричные нудные.

Каждое сердце расцвело
Знойной раскрытой тайной,
И раной, пламенной раной росло
Над встревоженной взволнованной окрайной...

На площади с рабочего плеча
Сброшенная алая блуза
Вспыхнула в солнечных лучах
Знаменем Борьбы и Союза.

И вдруг... ухнуло глухо что-то...
Боль раздробили барабанами тревог
И дробным токаньем пулемета
Над стремительным топотом ног...

Кто-то с пулей в сердце и марсельезой
Пал... и взвился, и загрохотал
Свинцом, гранитом и железом
Восстания Девятый Вал...

. . . .

А там
Захлебываясь, торопливо разносили
Вести о паденьи цен
Биржевые автомобили
И с почерневших осенних стен
Плакаты телеграмм...

VII.

В жуткой осенней тьме
По переулкам, на площадях
Бродит глухая тревога, и месть,
И страх...

Шаг осторожных ног...
Кто там?.. Проклятье... выстрелы... тишь...
Кто-то кого-то во тьме подстерег.—
Не различишь...

Замер зловещих пуль
Долгий пчелиный ноющий лет...
Мерно проходит безмолвный патруль
Пятый обход:

— Смены, товарищ, нет!..
Знай: на счету и штык и заряд... —
Тишь... ночь... сон... Скоро в рассветном огне
Вспыхнет заря...

VIII.

Свершилось...
Трубами фабричными распята,
Склонилась над окраиной заря,
Когда Октябрьскою страницей двадцать-пятой
Открылась Книга Бытия.

Когда, встревоженный рабочим батальоном,
Звеня, гремя, заговорил гранит,
Над дымною главой Я-Легионный
Взметнул мятежные огни...

На грубые ладони площадей Я первый,
Я первый жертвенную кровь пролил...
Я, долгой пыткой закаливший нервы,
Непобедим в Единстве сил...

О, Город Мой!.. В Грядущее направив поступь,
Не Я-ль, не Я-ли в Октябре сорвал
С гранитных плеч, как гнойную коросту,
Продажно лживые слова?!.

И не Тобою ли на Запад властно брошен
Призыв к борьбе набатным языком?!.
И не в Тебе-ль рожден с великой Крестной Ношей
Рабочий ИСПОЛКОМ?!.

IX.

Славлю Тебя, из гранита и стали,
Город великих Начал и Дорог!..
Слышите: откликаются дали
Грохотом каменных ног...

Неумолкающей мерной речи
Я разумею железный язык:
Путь в Грядущее кровью моею отмечен
В граните твоих мостовых.

Угрюмы кремлевские стены, лишь ветер знамена полощет,
Да изредка митинг скликает Наркомов на Красную площадь.

Здесь отдых неведом,—
Вечные будни,
Но радостен труд и священен.
Здесь странные слышны слова и названья:
Исполкомы, совдепы, цека—
Но ясны и просты: Троцкий и Ленин.
Одни за другими, за сотыми—следом
Автомобили, мотоциклы, пешеходы
Вливаются в Кутафью пасть.
Одни за другими, за сотыми—следом
Сюда приходят народы
Признать Советскую власть.
Скрестили пашни и заводы
Серпы и молоты
На алом фоне знамен.
И ежатся трутни
Перед буквами
Р. С. Ф. С. Р.
Из червонного золота.
Да здравствует Революция!
И голод,
И холод,
И кровь,
А из Кремля вновь и вновь
За резолюцией резолюция,
За декретом декрет.
Против Кремля воюет весь свет,
А отсюда за ударом
Удар,
За пожаром
Пожар,—
Испепеляющий гнев
Зажигается.
И далеко по миру, что день неустанный,
Разливается
Торжественный, радостный, победный припев:
— Вставай, подымайся, рабочий народ!

Угрюмы кремлевские стены, лишь ветер знамена полощет,
Да изредка митинг скликает Наркомов на Красную площадь!

Семен Родов.

Август. 1918.

ГРОЗА.

Потемнели высоты горние,
Воздух набух.
Зорь всполохи,
Гром далекий глух.
Словно конь необузданный
Ветер ретивый
Вдруг
Рванулся...
И вскач по равнинам забил, закопытил, загудел,
И хвостом сивым
Взвил
Бурую пыль дорог.
Дрогнули небеса
В огне судорог...
Перекатные гулы
Утонули
В высоте темно-синей.
Растрепав густую гриву
За полями
В отторопи дубрав
Конь
Скрылся.
И по вспаханной равнине
Влажный, влажный звездопад
Звонко покатился.

Гр. Санников.

ГЕРОСТРАТ.

Октябрьской революции посвящаю.

Если дух твой в огненный колос созрел—
Дерзай.
Если сам на костре сгорел —
Сжигай.
Грудью на грудь камней упади,
Но будь впереди —
На горе.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Дерзни...
Улю-лю-у, улю-лю-у заорут.
Точно спрут тебя злобы жгутом обовьют,
Заплюют, по частям на куски разорвут
В экстазе трусливой крысиной грызни.

Кислотой клеветы обольют
И—сожгут на костре.
Чтобы выдавить жалобу стонную,
Чтобы вытравить дерзость бездонную,—
Скальп живьем сдерут,
Труп распнут,
А мозги—на съеденье псам...
Но не эти всех пыток больней и острей.
Что пытки тому, кто убил себя сам
В жертву Земным небесам!
Чей дух для дерзанья созрел,
Чей мозг на костре добровольцем сгорел—
Быть на горе.

Поджигатель!
Какое бездонное небо, какой бездонный ад,
Твой дух непреклонный вместил и—таит!
Ты—Гордиев узел противоречий.
Веков дерзновенных предтечей
Смолистый пылающий факел, как меч.
Принес, чтоб святыню—древнейшее чудо искусства—
Сжечь.
В Ефесе на месте священного храма.
Где покорные падали ниц, погашая молитвенно речи.
Где мертвый паросский мрамор
Воскрешал гениальный ваятель.—
Пусто.
Нет богов, пантеона и статуй.
Смерть ему, смерть супостату!
И казнен святотатец ужасною пыткой.
На безумную дерзость в ответ
Наложили ефесцы смертельный запрет:
«Никогда не произносить имени дерзнувшего».

Не узнать красоты в скелете.
Ненасытная утроба тысячелетий
Сожрала миллионы имен.
О, не лязгают челюсти мимо.
А дерзнувший бессмертие выткал.
И сквозь пепел белесый Минувшего—
Головнею пожара потухшего—
Жжется заклятое древними имя:
Неугасим он—
Герострат.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Вцепилась за землю миллионом корней.
В небо вонзилась гвоздями распятого Христа.
Между небом и землею
Непроглядной пеленою, стеною—
Гробница...
Все когда-то живое померкло и стынет.
Стенька. Коммунары. Спартак... Дорогие лица
Давят тысячелетий мшистых пласты.
Покривились кресты.
Не пылает в них жизнь. И была ли святыня?..
А Материя в извечном движении
На кораблях времени
Мчится вперед, где путь преграждает стена ей.
Подвалами, небоскребами, золотом, голодом
Скребет, сиреной ревет, бьет электрическим молотом.
Час настал.
Путь торнеет.
Торопись!
Сжигай—не пугает смрад . . . . . .
. . . .
Стенает
Человеческий дух под непосильным бременем.
Ищет.
Грозные тени.
Воскресают—гаснут во тьме кладбища.
Но спит Герострат.
И как раньше стоит на потухшем кладбище,
Черные бросая тени,
Одевает землю и высь—
Гробница.

В первобытных могильных курганах,
На рогах Магометова полумесяца
И в христианских крестах—
Страх.
В Нью-Иорке, на Яве,
В зените, под тропиком, на полюсах,
В материковых странах
В океанах, где буйный циклон,
В городах—сквозь гранитный стон,
В деревнях—подо всенощный звон—
Везде

3.

Все гроза... И земля накренена,
А привалы от нас далеки.
Но глаза у планетного Ленина—
Маяки.
В душу бури гребем и гребем—
Все сильней океанская качка.
И по гребню летит с кораблем
Краснолицая радио-мачта,
Хлябью воет и свищет—скрипит,
Борт гигантскою бровью нахмуря.
О, везде-то котлищем кипит
Нам не новая жуткая буря.
Мчаться вихрю в открытую пасть!
Слушать музыку лязгов и гула!
Аргонавтам не страшно упасть
На съедение хищным акулам.
Вот волна, а за нею другая
Заливают пылающий трюм.
И горит наш корабль не сгорая,
Точно горн упорных дум.
Все толчется стихийная ступа.
А мы-то гребем и гребем!
Нам не смытый командует рупор,
Что зовется Рабочим Кремлем.
На циклон
Орудийные жерла!
Ро-Со-Фе-Со-Ре...
. . . .
Реют реи—вонзенные сверла.
Паруса—леса знамен.
Неизбежно горят корабли,
И чадят неизбежно лучины.
Ведь мы сами себя подожгли—
Вскипятить трудовую пучину.

Все гроза... И планета накренена,
А привалы опять далеки.
Но глаза у Владимиров Лениных—
Маяки.

4.

Гимнами, дымные трубы,
Восславьте
Проплывшего тартар и ад.

О дерзком, победном и грубом,
О нашем живом Аргонавте
Гимны машин да звенят.
Пусть ревы заводской сирены
Чаруют как песня морская сирен.
От изб из подвального плена—
На гребень кремлевских стен.
Пролетариат! Пролетариат!
В Колхиду сквозь мутную Лету—
Добыть золотое руно.
О, сок виноградный Советов—
Хмельное Коммуны вино!

5.

Мы помним, помним, помним
Подземелья, рудники, каменоломни—
Фабричный туберкулезный склеп.
Ведь на наших глазах мир от крови ослеп.
Сколько лет глыбы, краны, рычаги ворочал
Перед тем, как пробить брешь!
И разве не кровью стан свой железно упрочил
В Октябре?
Кто там в истерику впал от жестокостей?
Чем так напуганы беличьи души?
Миллиардоголовый,
Веками плетями да рабством балован,
Шествует мимо сквозь горы и пропасти—
Слишком великодушен.
Что небо! Что ад!
При нас пусть не говорят об аде
Не мы ли тот самый мифический Сизиф?
И в каждом широкоскулом азиате
Не наш ли неумытый предок—скиф?
Наша в двадцать пять лет голова в серебре—
Так могли ли и можем ли быть мы добрей!
Им нужны именины и звон колокольный.
А трудовое человечество в страну Красной Воли
Идет сквозь смертоносный хоровод.
А пружина, распрямляясь, неизбежно хлестнет
Больно.
Был каждый изможденным, голодным и диким—
Кровью пьяным в лоск.
О, каким же безбрежно-великим
Оказался мятежный Рабочий Мозг!
Слава ему!

Пусть не поймут,
Кто не сходил во ад.
Пусть назовут нас варварами Азии.
Привыкнув к чужой красоте, свою заклеймят безобразием,—
Проклянут ..
Благословят:
Если святость была, так воистину свят
Сжигающий небо, штурмующий ад—
Пролетариат.
Кивая на голод, пугая войной,
Выли о гибели злые сивиллы—
Чревовещателей вой.
Пылкий в утесы Харибды и Сциллы
Плыл ты под смертью двойной...
Был, в настоящем—и будешь живой!

6.

Октябрь!
Идет по морям, как по суше,
Кувыркает, ломает и рушит,
Ужасом огненным душит
Заячьи, беличьи души—
Старый сжигает корабль.

Грудит и удит,—в горящей охапке
Люди всех наций, религий и рас.
В красноармейской шапке—
Депутат Восставших Масс.

Жизнь до винтовки обузил,
Сам в окровавленной блузе
Рубит запутанный узел.
Рвет паутинные нити—
Фраки, мундиры, короны, манишки...
Что вы, товарищ, не мните.
Я ведь... вы уж... меня извините...
Эйте вы, цыцьте—ни шкните.
Воришки!

Спорить уже бесполезно.
Если не хочешь в гроб.
Высятся горы из бездны—
В бездну летит небоскреб.
Стальной разрывается повод—
Стойло летит кувырком.

В разодранном горле былого
Запекся крови ком.
Грязною кровью опачкал
Кожу широких скул.
Язву веков, как болячку,
С подбородка земли сколупнул.
Не по одной и не по две—
Ядовитую сволочь к стенке.
Ужасен—прекрасен подвиг
Восставшего правнука Стеньки.
Ателье, министерства, спальни,
Пантеон, галлерею—на смарку!
Выдержал под наковальней,—
Станешь подобен Марксу.
Не вынес—туда и дорога.
Плевать нам на вашего бога.
Нету у нас санаторий.
В крематорий—
Бывших волков двуногих!

Ладно, слыхали мы ваши ослоты—
Все равно сожжем Содом.
Нельзя же на плесни болота
Строить Грядущему дом.
Не в этом, не в этом дело—
Долой проституцию слов!
Не нам, а вон—белым, белым.
А мы и душою и телом—.
Горбом
Знаем все сотни веков.
Где пропасти были—горы.
Где подвалы—там небоскреб.
Миллионы смелых—в горны.
Кто смелым не был—в гроб.
Октябрь!
Толки, толки нас в ступе.
Время иное наступит—
Построим мы новый корабль.

7.

Пойте машины, сирены!
Гимнами, дымные трубы,
Восславьте, сплетясь в хоровод.
Из прошлого душного плена
Приходит с победою любый
В наш первозданный завод.

8.

Город под крестом двойным—
Голода и Войны.
Вновь, безначально влюблен
В кровь твоих знамен.
А прошлые муки манят.
Нельзя их, нельзя нам не видеть.
О, мог ли другой ненавидеть
Сильнее, больнее меня!
В шахты, заводы на пытки
Шли из насиженных мест.
Ах, ты Свободу нам выткешь!
Крест.
В прошлом—еще не забытом—
Смеялся ты, а не я.
Жестким и душным гранитом
Жалила душу змея.
Прихоть—вобрал в утробу.
Прихоть—плевок на панель.
Полон по горло злобой,
Злобою я запьянел.
Без сил, без гроша и работы...
Город, кто ты? кто ты?
Руки в кровь кусал
И—хохотали корпуса...
Провокатор! вот ты...
Я отомщу Солому!
Без сил, без гроша и работы
От думы безумной угрюм—
Наслом.
В последний забастую—
Там... на мосту.

Слишком тяжко тишь
Стыла в жилах всех.
Ты ли мне не простишь
Мой невольный грех?!
Плакал...
Тихий жуткий шум
В мой разбитый трюм
Тек волной морей...
Скорей!
В омут—
В объятья упавших звезд.
Помню, помню мост.

В миг, когда я плакал,
Вздул во мне свой факел
Герострат.
Так ли с жизнью спорят?
Верх берется так ли?
Дерзкий лишь поборет.
Брось пучок зажженной пакли
В раскаленный ад.
Все мы в гибель гребли
Голодом и Войной.
Брось весло. За мной—
Жечь корабли!
В веках сгнила Земля—
Старого корабля
Неисправима брешь.
Бросился вплавь в океан
В общем потоке я
В Октябре.
Взор к берегам не прилипнет
И не согнутся колени.
Сердце наше—Либкнехт,
Ум—Владимир Ленин.
Молодо венку сверкать
Молота и Серпа.
С рубки Мирового Кремля
Видна иная Земля.

Долго—под крестом двойным
Голода и Войны.
Город, мой стих влюблен
В шолк твоих знамен.
Пусть не одна и не по две
Смерть дорогих имен.
Иду и пойду на подвиг—
Мерять пространства времен.
Прошлое прячет ключи.
Дверь—на мускулы плеч!
Взвесить, горбом изучить
И—беспощадно жечь.

9.

Стисни с хрустом зубы
Перед замурованной дверью.
Будь беспощадным, грубым—
К зверю.

Прошлое корчит рожу,
Обжигает мечом.
Ну что же—
Раны умножу,
Еще крепче кровавую ношу
Подниму на плечо.
Пусть извилист, овражист
Путь—не согнусь!
Жилистый, кряжистый
Глубже в землю упрусь.
Не смущайся, товарищ,
Что у нас изможденное лицо.
Плюнь ему в жирную харю
Плющатым свинцом.
В окопы!
А Прошлое—не окопы што-ли?
Добивай в лоб их!
Только надо—
Короче удар.
Как руду добывали в штольнях,
Как киркой, прикладом
Ударь.
Еще что?—все взваливай.
Встречу:—
Стальные плечи-то!
Не мои ли кровавые зарева
Излечат
Больное человечество.

10.

Эй, Старуха-История!
Довольно падалью смердить.
В пекле мирового крематория,—
Кто пробовал пути преградить.
Веками в бездну плыла.
Пылай, пылай, пылай—
Гробница!
Ты не раз еще будешь сниться
В чаду небывалого пожара.
Но кончены счеты со старым,
Подожжены корабли—
И повсюду, повсюду горят.
Гимн мой—безумный маньяк—
Восславь,
Кто первым поджег корабли—

На гибель
Всем, неумеющим плавать,
Слава,—кто к берегу Новой Земли
Вплавь.
Слава Октябрь, дерзновенная явь!
А путь-то кремнист
И не ровен.
Мы—в кипящем Гольфштроме крови.
То и дело плывут костяки.
Пустяки—
Настоящее будет Грядущим распенено.
Ведь глаза у горящего Ленина—
Маяки.
Безначального движения атомы
Пусть в пожаре своем же сгорим мы
От голода, битв, нагими.
Но потомству навеки остались крылатыми
Строители нового вечного Рима.
Отныне на суше, в морях и пустыне
Слава,
Слава тебе миллиардоголовый
Поджигатель миров—Герострат!

А. Дорогойченко.

ЗА ВОСЕМЬ МЕСЯЦЕВ.

Организовавшаяся в начале февраля с. г. при Литературном отделе Наркомпроса секция пролетарских писателей к концу текущего года наметила в культурно-просветительной и литературно-художественной жизни Р. С. Ф. С. Р. определенный путь своей деятельности, как-то: пропаганда пролетарского творчества (устно и печатно), подготовка деятелей пролетарской культуры путем оформления и развития их литературных дарований, организация пролетарских писателей и улучшение их материального и экономического положения.

За восемь месяцев работы секцией было выпущено шесть номеров журнала «Кузница». Сдан в печать первый пролетарский литературный Альманах, куда вошли произведения Мих. Герасимова, В. Александровского, Е. Нечаева, С. Обрадовича, Н. Ляшко, Г. Санникова, Н. Полетаева, В. Казина, С. Родова, И. Филипченко и др.

Выходит из печати сборник стихов и рассказов «Цветы Труда» тт. Н. Ляшко, В. Казина и Г. Санникова.

По предложению секции, т. С. Обрадовичем составлен обширный «Пролетарский Декламатор», более 30 печатных листов, вместивший произведения 76 пролетарских поэтов и беллетристов, им же подготовляется «Антология современной пролетарской поэзии».

Приняты к печати сборники стихов и рассказов; стихи: М. Герасимова «Железная Весна», книга 1-ая, В. Александровского «В огне», книга 1-ая, В. Казин «Рабочий Май», Е. Нечаев—«Стихи», С. Обрадович—«Город», книга 1-ая, Санников—«стихи», Дорогейченко—«Земные небеса», А. Гуцевич—«Факелы», и книги рассказов: М. Сивачева, Н. Ляшко, В. Кузьмина, М. Волкова.

В общем с марта с. г. редакционной коллегией секции проредактировано более 400 рукописей стихов, рассказов, повестей, пьес, сказок, в общей сложности около 250 печатных листов.

Вышедшие первые три № журнала «Кузница»; через представителей литературных организаций высланы для переводов и изданий в Германию, Норвегию, Швецию, Грузию и Польшу.

Секцией принято участие в организации литературных студий при ЛИТО Наркомпроса, при клубах раб. коммунального хозяйства, при пулеметных школах Москвы.

С 10 по 14 мая был проведен 1-й Всероссийский съезд пролетарских писателей, окончившийся совещанием, при участии 149 представителей Москвы, Петрограда и провинции.

Проведя многочисленную переписку и беседы с авторами присылаемых рукописей, давая указания и отзывы, секцией помимо этого были организованы с начала мая с. г. литературные воскресные общедоступные собеседования, перенесенные на понедельники в Доме Печати, с образованием там же с 1 октября с. г. секции пролетарских поэтов.

В течение указанного срока, исключая 2-месячный летний перерыв, на собеседованиях читали свои произведения 58 авторов. Помимо разбора прочитываемого, на беседах затрагивались и

порою разрешались, вызывая оживленные прения, идеологические и технические вопросы творчества.

Число посещаемости этих бесед равняется около 500 чел.

Большинство присутствующих из рабочих и красноармейских литературных кружков Москвы и провинции.

Не лишнее ответить на ту остроту, брошенную некоторыми представителями печати и литературы, называющими секцию «сектой».

Правда, из 23 заявлений поэтов и писателей о желании вступить в секцию пролетарских писателей было удовлетворено 3 или 4 заявления, но журнал «Кузница» может сказать, что он не подвергался и не подвергается благодаря такому «сектантству» разлагающему влиянию народническо-интеллигентской идеологии, которой подвергаются в настоящее время многие из пролетарских журналов.

За текущий год в районах Москвы и провинции было организовано более 50 выступлений членов секции на концертах-митингах в клубах, в районных народных домах, госпиталях, заводах, красноармейских частях и школах, среди которых надо отметить концерты 1-го мая, в дни чествования юбилея В. И. Ленина, в комитете Р. К. П., в дни III Интернационала, в Доме Печати, в Политехническом Музее, в Доме Союзов, в г. Подольске.

За последние месяцы секцией пролетарских писателей было принято участие в организации литературных вечеров-концертов при ЛИТО Наркомпроса, а также ряд показательных вечеров пролетарской поэзии в клубах Отд. Нар. Образ. и Всер. Союза Раб. Комм. Хозяйства.

Пропагандируя пролетарское творчество, секцией в начале июня с. г. было выделено две группы пролетарских поэтов и беллетристов, из которых первой группой, в составе тт. Кириллова, В. Александровского. М. Герасимова, М. Волкова, С. Родова и С. Обрадовича, было организовано на юге (Ростов) и на Кавказе (Пятигорск) 4 литературных вечера с общим числом слушателей более 15.000 чел., с докладами о пролетарской литературе т. Кириллова и выступлениями поэтов и беллетристов.

Затем, по возвращении с юга, по приглашению Петроградского Пролеткульта и Главкоморси т. Раскольникова—два концерта в Петрограде—в театре Пролеткульта и в театре Балтфлота, и два концерта в Кронштадте: в клубе воен-моров перед аудиторией в 3.000 с лишним чел. и на открытой палубе броненосца «Петропавловск».

Эти последние два концерта отметим горячим радушным приемом пролетарских поэтов матросами и революционным искренним энтузиазмом слушателей.

Второй группой пролетарских поэтов и беллетристов, в составе тт. Н. Ляшко, М. Сивачева, В. Казина и Гр. Санникова также на юге и Кавказе (в агитпунктах и театрах и клубах г. Ростова и Кисловодска), было организовано 16 вечеров-концертов с докладами о пролетарской литературе т. Н. Ляшко и выступлениями поэтов перед общим числом слушателей приблизительно в 20.000 чел.

За это же время членами секции принято участие совместно с агитационно-пропагандистским отделом ЛИТО Наркомпроса в составлении агитационного сборника на польский фронт и продовольственной газеты для крестьян.

Организационная связь закреплена с литературными пролетарскими организациями городов: Петрограда, Екатеринослава, Воронежа, Баку, Самары, Вологды, Казани, Омска, Ташкента и Могилева.

С 8 по 13 сентября в Петрограде была проведена совместно с пролетарскими писателями Петрограда и провинции предварительная конференция, на которой были разрешены вопросы о созыве 1-го Всероссийского Съезда пролетарских писателей на 18 октября, намечен устав Всер. Союза пролетписателей, положено создание единого руководящего месячного пролетарского журнала.

В настоящее время ведется работа по организации Дома пролетарского писателя, клуба пролетарского писателя; библиотека для последнего уже собрана и насчитывает более 1 000 томов.

В ближайшем времени предполагается дать ряд широких диспутов о пролетарской поэзии, литературе, о пролетарской критике, о пролетарском театре, музыке, изобразительном искусстве в Москве и на юге в рабочих центрах Харькова, Киева и Одессы.

Недостаток бумаги и технические затруднения в печатании журнала «Кузница» заставляют секцию пролетарских писателей «сжиматься» в издании, но более расширять устную пропаганду пролетарского творчества и выявления творчества своих членов; с такой же целью приступлено и к организации устного пролетарского еженедельного журнала «Красные Камни».

Заканчивая очерк деятельности секции, заметим, что надрываясь в этой гигантской работе по выявлению и закреплению пролетарской культуры, теряя в этой дороге от голода и тифа товарищей, секция пролетарских писателей все же светло верит, что рабочие заводов и окраин вышлют в подмогу новых, сильных и стойких товарищей.

Секция пролетарских писателей.

Радость труда. Сборник стихотворений А. Дорогойченко, И. Кузнецова и А. Котомки. Изд. Политотдела Ряз.-Ур. ж. д. Саратов. 1920 г. 64 стр. Цена 30 рубл.

Нельзя сказать, что сборник имеет какую-нибудь определенность в подборе материала. Все напечатанное является каким-то случайным. Много тем, много задуманного, но и много непродуманного, скомканного какою-то поспешностью.

Сборник открывается стихом т. Дорогойченко «Борьба», вызывающим некоторыми строками полнейшее недоумение, отталкивающее настроение и к остальным вещам сборника недоверчивое отношение.

О борьбе ли говорят эти строки:

«Будь беспощадно-грубым
К напавшему зверю,
Нечисть скорчила рожу (?),
Обожгла мечом (?).

И дальше через две строки по Александровскому («взваливай больше на наши спины тяжестей, жизнь,—мы донесем». Александ.) говорит:

«Взваливай. взваливай тяжестей жизнь,
Я не согнусь...»

Стихотворение ученическое и место ему не в сборнике.

В стих. «Красная армия» в каждой строфе по одному, а иногда и по два «красного» слова: красные крылья, красно летать, краснолицый и пр. Красным от этого стихотворение не стало, а приобрело какую-то патокную слащавость и говорит о бедности языка поэта.

Слабы стихи и требуют еще работы: «18 марта», «Родина», «Отдых», «Мы», «На позициях», «Гений завода».

В остальных стихах тов. Дорогойченко больше художник, больше поэт. То, что он отходит от них, от «лозунговой» поэзии, и переходит к творчеству «образами», ставит его творчество ценнее и выше, чем творчество двух следующих поэтов тт. Кузнецова и Котомки.

Этот путь поэтического творчества т. Дорогойченко только начинает и, конечно, образы его не всегда ясны и четки.

Вот примеры:

«Ветер взыкал над водной хлябью,
Распахнувшись в две полы». (Утро на Волге)
Рано роняешь на землю росой. (Красная армия)
«Смеешься смесью (?) узких улиц». (Весна).

или эта двойственность образа, разбивающая целость впечатления:

«Полотна облаков, как льдины
Плывут и тают без следа».

9116

„ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ"!

КУЗНИЦА

ОРГАН ПРОЛЕТАРСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ.

Декабрь—Март. № 7. 1921 г.

ИЗДАНИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ОТДЕЛА НАРКОМПРОСА.
Москва.—1921

ДЕКЛАРАЦИЯ

Московских пролетарских поэтов и писателей группы «Кузница».

Пролетарская литература есть явление идеологически-классового порядка.

Она возникла в процессе борьбы рабочего класса. Ее существование и дальнейший рост обусловливаются всем ходом исторического развития, неуклонно ведущего человечество к высшим социальным формам—коммунизму.

Новейшую русскую литературу с ее декадансом и логически вытекающими из него направлениями: символизмом, футуризмом и проч. мы рассматриваем, как показатель разложения буржуазного общества. Идеология этих течений, основанная на крайнем индивидуализме и пренебрежении к общественным идеалам, враждебна коллективистическому сознанию пролетариата, исполненному могучей динамики действия и революционного романтизма.

Мы считаем, что ни одно из современных художественных течений, в силу указанных признаков, не может быть положено в основу пролетарского художественного творчества. Кроме того, пролетарская литература, как явление идеологически-классового порядка, исключает возможность в данный момент быть заключенной в целом в каком-либо художественном течении.

Путь пролетарской литературы идет в стороону создания своих методов и приемов творчества через усвоение всех технических достижений искусства в прошлом и настоящем.

В процессе художественного творчества, обусловленного всей совокупностью элементов новой жизни, пролетарские поэты приобретают свои оригинальные методы и приемы.

«Бытие определяет сознание», новые формы жизни вызывают новые формы в искусстве. Материал художника—слово, звуки, краски и проч.—мы рассматриваем, как средство для воплощения идеи или художественного замысла и решительно восстаем против тех течений, которые сводят творчество к ряду формальных дисциплин и таким образом протаскивают контрабандой старый реакционный лозунг—«искусство для искусства».

Мы предоставляем нашим товарищам поэтам полную свободу в выборе творческих методов. Эту точку зрения единодушно признал Первый Всероссийский Съезд Пролетарских Писателей.

Мы не признаем вывесок кричащих: самое лучшее, самое новейшее — футуризм, имажинизм и проч., ибо знаем, что самая совершенная школа не оправдывает бездарности.

Наш лозунг—изучение и преодоление всех предшествующих нам художественных школ для новых достижений и для создания искусства, отвечающего идеалам коммунистического общества.

Признавая, что пролетарская литература, как наиболее молодая, далеко не безупречна в совершенстве формы, мы все же утверждаем, что это единственная и подлинная литература зачинающейся коммунистической эры, способная развиться в великое общечеловеческое искусство, искусство для жизни, во имя жизни и творчества гармонично прекрасного человека.

Московские пролетарские поэты и писатели: **В. Александровский, М. Герасимов, В. Казин, В. Кириллов, С. Обрадович, Н. Полетаев, С. Родов, Гр. Санников, Н. Ляшко, Е. Нечаев, И. Филипченко, П. Низовой, А. Новиков-Прибой, А. Дорогойченко, М. Сивачев, М. Волков, А. Поморский, Ф. Шкулев.**

СТИХИ

ДВЕ РОССИИ.

I.

Белое, ровное поле,
Вешки у длинных дорог;
Сердце от грусти и боли
Я уберечь не мог.

Ветер хохочет и свищет,
Снежный колышется звон...
Кто я: поэт или нищий?
Что ты: мечта или сон?..

Мглистая непогодь злится,
Нет ни начал, ни концов;
В воздухе черная птица
Черное чертит кольцо...

Русь бледнолицая! Где же
Спрятано сердце твое,
Где же упорство медвежье,
Буйства хмельное питье?..

Кто тебя в дьявольской зыбке
Пьяную в сон укачал,—
С детства я светлой улыбки
В жизни твоей не встречал.

Сквозь полусумрак неволи
Только и видеть я мог
Белое, ровное поле,
Вешки у длинных дорог...

II.

Покоя северного вестник
Фонарь желтеет у ворот,
Здесь под гармонику и песни,
Грустит оборванный народ...

Гонимый тягостным туманом
Придешь и не уйдешь назад,—
Перед наполненным стаканом
Повиснут мутные глаза.

Как быстро тяжелеют ноги!..
О, жало жгучее тоски,—
Скажи: всегда ль твои дороги
Приводят только в тупики?

Простор полей однообразен,
И однотонен вой пурги...
Скажи: не бред же Стенька Разин,
Ткачев и тысячи других?..

— Ах, эта жажда всепознанья,
Разбившая оковы сна!—
Узнай, что только из страданья
Родится Новая Страна...

III.

Ну, и пусть на меня опрокинутся
Грязно-мутные волны тоски,—
Не зайдет же душа-именинница
В придорожные кабаки...

Связан я узловыми дорогами,
На которых повесилась Русь,
На которых трактиры с острогами
Хоронили народную грусть...

О, страна!.. С вековыми устоями,
Под стальными когтями орла,
За отверженными героями
Ты на красную пытку пошла.

Ты пошла умереть под метелями,
Чтобы снова воскреснуть в огне,
И недели текли за неделями
К надвигающейся весне...

Мне, рожденному в отблесках горна,
Твоя крестная боль не дает
Оглянуться на труп уже черный
У железных, острожных ворот...

Ну, и пусть на меня опрокинутся
Грязно-мутные волны тоски,
Не зайдет же душа-именинница
В заколоченные кабаки...

IV.

О, кровавое пламя костра!
О, зовущие крики набата!..
Вы распяли мое Вчера
На расплавленной меди заката.

Я уже перешел черту
Обескровленного ожиданья,—
Если сердце—горящая ртуть,
Значит жизнь—не одно страданье...

Если мне на придушенный стон
Можно смехом жестоким ответить,
Значит знойное Завтра—не сон,
Значит солнце тоскует о лете...

Две России качаются в мгле
И одна из них—в зареве пытки,
Для другой, посиневшей в петле,
Вьюга саван серебряный выткет...

Ах, зарыть бы, зарыть пора
Этот труп старушонки горбатой..
О, кровавое пламя костра,
О, зовущие крики набата!..

V.

Похоронные звоны и радио,
Та—же степь, а по ней—грузовоз.
Ветер зарево вытянул радугой
На суглинок промерзших полос.

Что же? Пойте ей вечную память
Те, кому наслажденьем был сон,
Мы-же солнечными глазами
Прозреваем в недра времен...

Мы другую Россию видим
Без метелей, тоски, кабаков,—
В каждом юноше—новый Овидий,
В каждом старце—мудрость богов.

Тревожным нюхом.
Тревожными очами
Обшаривала темноту
И долго слушала в полуночи,
Как глухо ворошились звуки,
Приподымая тишину.
На сытый месяц облака наваливались, налегали.
К собаке жутью тянулись дали...
А когда по желтым следам у тумбочек
На другую собаку набрела,
Казалось, мрак расторгнулся зыбучий,
Ночь прояснилась и стала так бела.

Сошлись...
И за шарахавшимся ветерком
Трусили вместе
И вместе улыбались в высь,
Облизывая морды языком.
Так просто и так необычайно
Жизнь началась у ней иная—
С собаками.
Улицей.
Ночами
И без хозяина...

И каждый день среди подруг
Она слоняется по городу и ищет на дорогах еду.
А ночь придет—сияньем мягким и неслышным
Луна прольется и ветерок весенний
Робко
В тиши пред нею заколышет
И запахи. и тени...
И вот тогда-то в тихий, тихий миг
Она молчит и эту гладь небес
И убеленный дол земли
Все узнает в себе.

Так жизнь животная
В многообразии страстей
Ей стала краше прежних дней
Родною необузданной свободой.

Гр. Санников

ОЖИДАНИЕ.

Я ждала, ждала тебя, любимый,
Все глаза влила в окно.
Ой, и длинен, длинен день неугасимый,
Огневое золотое волокно!
Издали клубился,
Вился дым из труб,
Мнилось, не ко мне ли торопился
Твой волнистый темный чуб.
И томленью, нетерпенью слуха
Было слышно, как у двери, вся напряжена,
Глухо
Переминалась тишина.
И тянулась нудная обуза...
Ох, разлука!.. Вдруг—и синевы края...
Ближе... блуза... чья-то блуза...
Синяя... твоя... твоя...
Дверь шушукнула, и как во сне я
Сладко затуманилась в сияньи дня.
Подошел... прильнул и—ну, синея,
Обнимать и обнимать меня.
Обнимал ты... И со страстью жадной
Я взглянула на тебя и—ах!—
Ах, и как я обозналась, ненаглядный:
Это вечер обнимал меня впотьмах!

Василий Казин.

ТРИОЛЕТЫ.

I.

День мой окончен в крови и пыли
За молотьбой цеповой ячменя.
Осень. Никто не полюбит меня:
День мой окончен в крови и пыли;
Только кричат в вышине журавли
В радостно-звездные дали маня
День мой окончен в крови и пыли
За молотьбой цеповой ячменя.

II.

Запламенели солнцем клены,
Метая золотые копья.
Жизнь улыбнулась исподлобья:
Запламенели солнцем клены!
А я, счастливый и влюбленный.
Гляжу в неукротимом вопле,—
Как, пламенея солнцем. клены
Шлют листьев золотые копья.

Пимен Карпов.

* * *

Какая ты еще девочка глупая...
На все отвечаешь — да...
И смеешься дорогой, по лужицам хлюпая,
После долгих часов труда...

Очарованный твоею беспечностью,
Возвращаясь в свой переулок,
Я жалел, что не были вечностью
Эти минутки наших прогулок...

А теперь я знаю. не оторваться мне
От змеиных обхватов машин и труб...
И слушать шелест на шкивах ремней,
Так похожий на лепет девичьих губ...

И лишь в час, когда поршень устало захлюпает
И вылетит паром кричащим вода...
Я вспомню,—какая ты еще глупая...
Не догадаешься придти вот сюда...

В. Еферов.

ОСЕННИЙ ЗВОН.

Над рощей, над глухой слободкой,
Над проседью предзимних дней—
Осенний звон, сухой и четкий,
Все торопливей и шумней.

Где у проселка куст рябины
Горит покинутым костром,
Звенит червонный лист осины
Дорожным долгим бубенцом.

Где опаленной головою
Поникли низко тростники,
Звенит кочующей листвою
Серебряная рябь реки.

Под перекличкой журавлиной,
Под свист синиц, со всех сторон
Звенит осенний переливный
Хрустальный стройный перезвон...

Когда не ярко и убого
Туманы озарит заря,
Оледенелою дорогой
Проскачут кони Ноября.

На облучке старуха—Осень,
Широкий путь—во все концы,
В дуге—сияющая просинь,
А под дугою—бубенцы...

И мнится мне: в машинном звоне
И в снежном шелесте ремней —
Все те же кованые кони,
Все тот же звон осенних дней.

С. Обрадович.

потом смазал машину, повернул ее оборота два рукой и засмеялся своей одинокой радости.

Позвать бы, сказать кому? Нет, тогда, после. Его и так считают дураком, не тем дураком, какого любят и жалеют, а тем, которого ненавидят.

И он вспомнил девушку, что махала у леса рукой и звала. Если бы она пришла сейчас в сарай. Рассказал бы ей все, она поняла бы его и он взял бы ее за ту же руку. И Маркун улыбнулся от счастья и тоски.

Загудел гудок. Маркун вспомнил о труде, о работе до крови, о борьбе и неутомимости, о гордой человеческой жизни, которой полна ликующая земля, о громе машин и потоках электричества.

Он зачерпнул ведро воды и вылил его в воронку над турбиной. Он был спокоен и уверен. Отпустил кран—и машина рванулась и загремела. Вокруг ее повисло неподвижное кольцо отработанной выбрасываемой воды.

Маркун все подливал воды. Турбина ревела и, казалось, стояла неподвижно от быстрого вращения. В воронке вода крутилась вихрем от всасывания машиной. И слышно, как выла и стонала вода по спиралям. Машина наращивала силу. Машина расходилась и свистела от хода и резала водяным вихрем воздух.

Маркун стоял. В нем была тревога и ожидание. Все замерло в нем, будто он только родился и ничего не понимал. Он в первый раз не думал, никакая мысль не вела его.

От ударов машины в стену трясся и подпрыгивал весь сарай. Внизу задымился подшипник, через секунду из него дрожью било пламя.

Машина увеличивала ход. Мощь ее росла и, не находя сопротивления, уходила в скорость.

Лопнула нижняя спираль, с визгом оторвался кусок трубы и, вращаясь, ударил в деревянную стенку сарая, пробил ее и вылетел на двор.

Турбина выскочила из подшипника и зарылась в землю.

Маркун вышел за дверь и остановился. Лозина низко опустила голые хворостины и шевелила ими по ветру.

Загудел третий гудок. Второго Маркун не слыхал.

Я оттого не сделал ничего раньше, подумал Маркун, что загораживал собою мир, любил себя. Теперь я узнал, что я—ничто, и весь свет открылся мне, я увидел весь мир, никто не загораживает мне его, потому что я уничтожил, растворил себя в нем, и тем победил. Только сейчас я начал жить. Только теперь я стал миром.

Я первый, кто осмелился.

Маркун взглянул на бледное, просыпающееся небо.

Мне оттого так нехорошо, что я много понимаю.

Андрей Платонов.

О ПРОЛЕТАРСКОЙ ПОЭЗИИ.

Вокруг много толков о пролетарской поэзии. В рабочих и красноармейских клубах, в особых собраниях деятелей коммунистической культуры, не говоря уже о кругах так называемой буржуазной литературы,—всюду можно услышать по этому вопросу горячие споры. Если в рабочих кругах еще можно встретить более или менее правильное понимание пролетарского искусства, понимания, вытекающего из внутреннего, порою бессознательного восприятия данного искусства, как своей родной стихии, то среди нашей коммунистической интеллигенции, претендующей на знание этого предмета, царит полная растерянность. Послушайте только беседу пятерочки таких интеллигентов и вы убедитесь, какая египетская тьма пребывает в их умах. В лучшем случае вы услышите мнение, что наши пролетарские поэты—талантливые мальчики, но им еще нужно много и много учиться у Пушкина, Некрасова, в худшем случае вы услышите, что образцом и идеалом пролетарской поэзии должен служить Демьян Бедный. Есть и такие, которые признают только Маяковского.

Можно было пройти мимо этой «умственной чехарды», если бы в этом не было некоторой опасности для развития и роста пролетарской поэзии, ибо многие такие интеллигенты-теоретики являются или пытаются быть руководителями в деле строительства новой коммунистической культуры.

Необоснованные и несправедливые требования к пролетарским поэтам, непонимание, а порою и переоценка их творческих сил—все это одинаково вредно может отразиться на развитии пролетарского искусства.

Остановимся на некоторых грехах наших образованных критиков, совершаемых по отношению к пролетарской поэзии. Первое—это непонимание последними стихии художественного творчества и его скрытой самодовлеющей силы. Теоретики пишут статьи об искусстве, приступают к этому во всеоружии марксистского мировоззрения, исследуют, доказывают. Иногда получается довольно стройное обоснование вопроса: здесь и коллективизм и психология индустриального пролетариата, трудовые эмоции и т. п. Но стоит только такому теоретику приступить к оценке живых оригинальных произведений пролетарского художника—и он неминуемо терпит крушение. Не помогает уже ни марксизм, ни диалектический метод. Все у пролетарского художника получается не так, как хотелось бы критику; и форма не удовлетворяет и содержание не подходит, но теоретик не смущается и находит достойный для себя выход,—никогда не вкушавший заводского воздуха, наш теоретик кладет на своенравное произведение пролетарского поэта краткую резолюцию: «буржуазное влияние... автор еще не вполне

выварился в индустриальном котле...» и все прекрасно; теоретик попрежнему восседает на Олимпе, поэт отсылается во мрак Ада.

Понять глубоко и всесторонне природу художественного произведения пролетарского писателя не в состоянии ни один критик, будь он наилучшим марксистом, если только он не связан тесными узами родства с пролетарским художественным творчеством.

Другим крупным прегрешением некоторых наших критиков является требование от пролетарских поэтов какой-то особенной простоты формы, доступной пониманию самых широких масс народа. Измеряют ценность художественного произведения степенью его популярности в данный момент. Упрекают пролетарских поэтов за утонченность и изысканность в стихах, за увлечение формальной стороной искусства и проч. Такие упреки и придирки указывают на полное непонимание сущности искусства, подобные критики очевидно забывают, что поэзия—не только литература, но и сложное искусство, которое лишь к прискорбию принуждено быть в подчинении у философии и политики. Истинный поэт никогда не пожертвует формальной стороной искусства в угоду конкретной мысли или утилитарной цели. Поэт любит слово, как любит свой материал всякий другой художник. Для него важно не только то о чем сказать, но и главным образом, как сказать. Мастерство прежде всего, художник не должен изменять ему никогда.

Искание новых форм, стремление быть оригинальным, быть самим собой—вот законное свойство каждого настоящего творца-изобретателя. Не беда, что произведение непонятно, что оно недоступно широкому пониманию, стремление быть популярным—не столько достоинство поэта, сколько его недостаток. Поощрять последнее значит увеличивать без конца число бездарных, никому ненужных стихов, которыми заполнены редакции всех газет и журналов. Каждый талантливый поэт стремится быть понятым, но есть границы, которые нельзя переступить, не уничтожив самую сущность художественного творчества.

Цыганские романсы и шансонетка—наиболее популярный род музыкального творчества, но ведь мы хорошо знаем, что этим не занимались настоящие композиторы. Фельетоны Демьяна Бедного и частушки Маяковского нужны в данный момент, но ведь кто же может считать это идеальной художественной литературой. Было бы большим несчастьем для революции и пролетарской культуры, если бы у рабочего класса не было своих оригинальных лирических поэтов. Старому так называемому буржуазному искусству не страшны Демьяны Бедные, ибо искусство последних не революционно по существу, как искусство, и значение его в данный момент чисто эпизодическое. Перед пролетарскими писателями, являющимися участниками в строительстве новой коммунистической культуры, встают задания более серьезные, чем писание фельетонов на злобу дня, и тот, кто не поймет этой простой истины—не поймет ничего.

Пишущему эти строки известно много случаев, когда пролетарские поэты исключали из своих сборников произведения,

пользующиеся большой популярностью у рабочих и красноармейских масс, так как произведения эти не удовлетворяли со стороны художественной формы. Подобная строгость к своим произведениям является несомненно показателем правильного понимания искусства.

Третьим и самым непростительным грехом наших критиков и идеологов является распространенное мнение, что пролетарские писатели ни в коем случае не должны отрываться от производства. К сожалению, этот готентотский взгляд на пролетарское искусство существует и доныне. Совсем недавно мне пришлось убедиться в этом в беседе с одним видным партийным товарищем.

Рассуждения эти приблизительно таковы: рабочему-поэту надо быть у станка на заводе, а не учиться там в каких-то студиях. Отрыв от производства и изучение старого искусства его может только испортить и обуржуазить. Слушая такие речи, только руками разводишь; да где же, в каком веке мы живем, не сон ли это, но увы, к сожалению, это самая реальная, самая горькая правда. В наш век величайших научных открытий, колоссального развития индустрии и техники, когда человечество стремится к высшим формам организации общества—коммунизму, предполагающему большую специализацию в каждой отрасли производства, находятся солидные коммунисты, проповедующие кустарничество и убогое мелкое производство самоучек-диллетантов. Выходит так: жили себе господа хорошие, занимались в библиотеках, заставленных до потолка книгами, ездили за-границу, все музеи осмотрели, все пергаменты веков перерыли. Была литература, мировые писатели, а рабочему к чему это, у него все по щучьему веленью явится от грохота колес и фабричного дыма.

Что может быть нелепее и чудовищнее подобных рассуждений! Можно ли после этого мыслить о создании новой коммунистической культуры, новой великой общечеловеческой литературы. Какой вклад внесет в сокровищницу ее писатель самоучка, не видавший ничего, кроме своей фабрики или завода. Небольшой круг наблюдений, однотонность и бесцветность переживаний, несколько выстраданных убогих произведений—вот и все, что он может дать обществу. Не однообразный машинный труд способствовал росту революционного сознания у рабочего, а положение его как класса угнетенного в капиталистическом обществе. Завод являлся только предпосылкой, но развитие и рост рабочего происходил в душных и тесных комнатах нелегальных собраний и товарищеских бесед, где он обознавал себя как класс всемирный, где расширялся его кругозор, обогащаемый огромным опытом рабочего движения всех стран. Сколько пролетариев обязаны своему развитию продолжительным отрывом от производства, тюрьма и ссылка,—вот университеты прошлых лет, где крепло и закалялось революционное сознание рабочего. Мы знаем, что даже увечье часто служило росту интеллектуальности в рабочем. Многие пролетарские писатели западной Европы выявили свои художественные дарования после того, как потеряли трудоспособность. Выводы отсюда вполне ясны. Для творческой работы нужен досуг, но в наше время, когда пролетариат становится классом господствующим, этого мало, пролетарскому писателю необ-

ходимо еще самое широкое и всестороннее образование. Коммунист должен рассматривать искусство как и всякое другое высоко-квалифицированное производство. Рабочему, проявившему художественные дарования, должна быть предоставлена полная возможность заниматься своим искусством, ему должна быть предоставлена мастерская, материал и все необходимые средства для производства: библиотеки, учебные пособия, бумага, типографии и проч. Тем, кто боится, что пролетарские писатели, оторвавшись от производства, потеряют свое классовое сознание, я предлагаю прочитать исчерпывающую этот вопрос статью покойного рабочего Федора Ивановича Калинина «О профессионализме рабочих в искусстве» № 7—8 журнала «Пролетарской Культуры» 1919 г.

Хочется верить, что все недоразумения, создавшиеся вокруг пролетарского искусства, будут скоро изжиты, и пролетарский художник займет в строительстве новой жизни то почетное место, которое он заслужил, ибо работа, проделанная им, громадна, и каковы бы ни были ее результаты— они все же достаточно значительны, чтобы отнестись к ним с полной серьезностью. Наши товарищи критики-коммунисты должны это помнить, в противном случае они рискуют остаться в хвосте тех огромных событий нашего времени, знаменующих собой появление нового великого искусства рабочего класса.

В. Кириллов.

ВЫРОЖДЕНИЕ И ВОЗРОЖДЕНИЕ.

Нью-Иоркский, чикагский, берлинский, парижский, лондонский—какой-угодно—мальчишка газетчик изо дня в день видит на улицах тысячи колясок, автомобилей, расфранченных людей, богатые дома, банки, набитые товарами магазины и переполненные долларами, франками, марками кошельки. Глаза его загораются удивлением, восторгом и завистью.

В уличном листке он наталкивается на статейку о том, что и миллионер имя рек, подобно ему, начал карьеру уличным газетчиком. Листок расцветил тернистый путь миллионера, силу его воли, доброту, роскошь, и уличный мальчишка загорается мечтой стать миллионером. От газет кидается к лотку, копит, заводит лавчонку, затем лавку. Между делом учится, плутует, фиктивно банкротится, выгодно женится, снимает в аренду фабрику. Становится пайщиком акционерного о-ва, приобретает фабрику и бойко поднимается по лестнице к заветной цели.

Проходит 25—35 лет, и наступает давножеланный день: бывший уличный мальчишка и его жена в четырех стенах поздравляют друг друга,—у них миллион. Путь в рай открыт. Победа, мечта осуществлена. Что же дальше? Отдыхать? Нет, нет,—вперед, к миллионам, к миллионам. Увеличивать капитал, охранять тайны с трудом налаженной машины. А тайны есть. Все настораживает... Может открыться предприятие и собьет цены на выпускаемые товары. А вдруг заказы не будут выполнены в срок? Вдруг в копях случится несчастье? Ходят слухи, что предприятие, в акции которого вложены огромные средства, может лопнуть. И т. д. и т. д. Тысячи страхов, врагов, настораживающих мелочей. Тысячи неожиданностей могут обрушиться на бывшего уличного мальчишку.

Мир враждебен ему, в заговоре против него. Он во всем предоставлен самому себе. Вот если бы дети помогали... Но они еще хрупки, учатся, не понимают ничего... Друзья? но его друзья—его же конкуренты. Один он должен за всем следить, со всеми бороться. Ни минуты отдыха.

За него все делают пролетарии, но он косится на них, он бессилен достойно оценивать даже преданных слуг.

Ведь, они—наймиты, чужие. За ними надо следить, их надо торопить. Разве они понимают его?

Чем могущественнее он, тем меньше значит для него труженик, десять, сто. Прибыли создаются для него не десятками,—массами.

Прибыль для него имеет смысл, когда она заметная в сравнении с его капиталом величина.

Дело ширится, опутывает его, а силы падают, убывают, притупляется аппетит. Бывший уличный мальчишка сетует на судьбу: он голодал, изводился, копил, карабкался к миллиону—и для чего? Чтоб потонуть, захлебнуться в миллионах забот. Где же справедливость? На кого положиться? Где чудившееся счастье? Покоя бы, немножко покоя, бодрящей ясности, сил.

Первый Всероссийский Съезд пролетарских писателей.

С 18 окт. по 21 окт. в Москве, в помещении Дома Печати состоялся 1-й Всероссийский Съезд пролетарских писателей.

Разбросанные на всех фронтах Р. С. Ф. С. Р., пролетарские писатели наконец получили возможность заложить основание организации сил, создание единого фронта пролетарской коммунистической литературы, а также разрешить назревшие вопросы в области творчества и пролетарской культуры.

По докладу мандатной комиссии, на Съезде присутствует всего 142 чел.: с решающим голосом—95, с совещательным—47.

Представительство имели города: по 1—Ташкент, Грозный, Вологда, Саратов, Кашира, Скопин, Вольнь, Иваново-Вознесенск, Двинск, Тверь, Оренбург, Орел, Баку, Сердобск, Рязань, Калуга, Одесса, Варнавин, Кострома, Вятка, Алатыск, Киев, Екатеринослав, Майкоп, Дмитров. Затем Пятигорск—3, Тамбов—5, Харьков—4, Челябинск—2, Ростов н Дону—2, Воронеж—2, Самара—2, Омск—2, Владимир—2, Петроград—21 и Москва—69.

По составу: от Пролеткультов Москвы, Петрограда и провинции присутствовало—39, от Ц. К. Пролеткультов—6 чел. от кружков и союзов пролетарских писателей и поэтов—27, Секция пролетарских писателей Москвы—15, от Ц.К.Р.К.П.—7, от Отнароб—12 чел., от редакций газет—5, от Коммунистического Союза молодежи—1, от Союза журналистов—2, персонально—28 чел.

В политическом отношении коммунистов—93, анархист—1, левый с.-р.—1, сочувствующих комм. партии—8 и беспартийных—39.

Возраст: от 19 до 30—54 чел., от 30 до 40 лет—47, свыше 40 лет 17 чел., остальные не указали.

Поэтов и беллетристов, работающих в литературе по времени печатания своих произведений: свыше 30 лет—8 чел., от 20 до 30—9 чел., от 10 до 20—15 чел., от 1 г. до 10—42 чел.

Имеющих книги своих сочинений—47 человек.

Подвергалось репрессиям в царское время—54 чел., из них: тюрьмам, ссылкам в Сибирь, Нарымский край, Якутскую область, каторжным работам от 1 г. до 12 лет подвергалось 35 чел., арестам, высылкам и различным наказаниям—19 чел. *).

После доклада мандатной комиссией был избран президиум Съезда в составе: председателем т. В. Кириллов, товарищами председателя т.т. Герасимов и Садофьев, секретарем Съезда т. С. Обрадович, членами т.т. Александровский, Шувалов, Маширов-Самобытник и Поморский.

*) Недостаток места не позволяет нам привести полнее эти интересные статистические данные анкет 1-го Всерос. Съезда пролетарских писателей, хотя и нужно было бы сделать это для редакции московского журнала «Творчество» тиснувших в № 7—10 хотя и безвредную, но желчную статью некоего С. Ш. о задачах Съезда и составе его; считаем, что редакция журнала «Творчество» впредь будет осмотрительнее относиться к такого рода заметкам старого репортерского пошиба.

Почетными председателями—т.т. В. И. Ленин, А. В. Луначарский и М. Горький.

Были посланы приветствия Красной армии, т. Ленину, Луначарскому, М. Горькому и Коммунистическому Интернационалу.

Затем были заслушаны приветствия: от Петроградского Пролеткульта, Литературной студии Моск. Пролеткульта, Международного Бюро Пролеткульта, от Московской секции пролетарских писателей, от Дома Печати, от Ц. К. Пролеткультов от Лито Н.К.П., от Союза латышских пролетарских писателей, от еврейских пролетарских писателей, от Самарского «Дома Печати» и проч. провинциальных литературных организаций.

Утро второго дня было посвящено докладу т. В. Кириллова: «Текущий момент и задачи пролетарской литературы»:

Пред лицом диктатуры пролетариата умолкла дореволюционная русская литература, поскольку последняя являлась выразительницей идеологии чуждой, а порою и враждебной классовому коммунистическому мировоззрению. Художник старой формации не в состоянии стать выразителем нового общества. Поскольку неизбежна победа коммунизма, настоящее и будущее литературы принадлежит исключительно литературе пролетарской.

Название «пролетарское искусство»—условное, временное. С уничтожением деления общества на классы, пролетарское искусство естественно становится общечеловеческим или коммунистическим.

Деление искусства на „чистое" и „тенденциозное"—пережиток старого, пережиток капиталистической эпохи; коммунистическое общество будущего даст возможность художнику свободного выявления своего творчества, без тенденций, политических и общественных.

Искусство—высшая форма производства и от художника мы должны требовать специализаций, мастерства; а задачей художника специалиста—помочь организовать массовое художественное творчество.

Условие среды и положение в обществе художника определяли его и идеологию его творчества. Но было ошибкой думать, что товарищ, оторвавшийся от завода, не может уже выявлять идеологию своего класса. С богатым жизненным опытом, мы должны не только усовершенствовать старую литературу, но и захватить новые области в творчестве, а захватывая—открывать новые приемы и достижения.

Пред нами встает вопрос о новых методах, о новых приемах; мы должны учиться не только у классиков, но и у современных, более поздних писателей, даже и враждебных нам идеологически, ибо одним из условий расцвета пролетарской литературы—есть специализация. Объединение пролетарских художников и предоставление им возможностей исканий и выявлений новых форм пролетарского исскусства—есть одна из задач Всероссийск. Съезда пролетарских писателей. Новые формы пролетарского искусства еще в зародыше, поэтому объединение пролетарских художников должно происходить по классово-идеологической линии, а не по художественным или по общественным группировкам, ибо объединение должно остав-

лять полную свободу для борьбы внутри за новые формы пролетарского искусства.

Сохраняя в полной мере идеологическую чистоту, мы должны стремиться к вовлечению в свою работу художников других общественных слоев, ассимилируя и подчиняя их своему идеологическому влиянию.

Объединение должно пойти с того ядра искусства, которое получило уже идеологическое пролетарское оформление и естественно оно должно начаться с художников слова, ибо только пролетарская литература определенно показала свои классовые черты; по мере оформления других отраслей искусства они постепенно вливаются в существующее объединение пролетарских художников.

Касаясь создания Всер. Союза Прол. писателей и согласованности деятельности с Пролеткультами, докладчик указывает, что связывать объединение пролетарских писателей с организацией, как Пролеткульт, было бы ошибкой: являясь последователями пролетарской коммунистической идеологии, мы должны входить в работы Пролеткульта, сохраняя свое объединение от влияния чуждых элементов, объединяющихся порою в Пролеткультах.

После оживленных прений в которых приняли участие т.т. Озоль, Гильдин, Деев-Хомяковский, С. Родов, Ольминский, Владимирский, Львов-Рогачевский, Оков, Степной, Колосов, Шувалов и Садофьев, и заключительного слова докладчика, сделавшего вывод из всего сказанного выступающими, что пролеторским писателям необходима прочная организация для защиты его в материальном отношении, для того-же, чтоб дать в своем творчестве больше и ценнее, необходимо изучение литературы прошлого и настоящего и методов творчества, для общей работы необходимо привлечение и крестьянства, идеологически сходного с нами—была принята резолюция:

Резолюция по докладу тов. Кириллова. «Текущий момент и задачи пролетарской литературы».

1) Заслушав доклад тов. Кириллова, Съезд признал необходимым немедленно учредить Всероссийский Союз Пролетарских Писателей.

2) Признавая, что создание пролетарской литературы возможно лишь при наличии всесторонне образованного пролетарского писателя, владеющего всеми достижениями как прошлой так и современной литературы, Съезд считает неотложной мерой—освобождение талантливых пролетарских писателей от работы, чуждой литературному творчеству, и предоставлении им условий, благоприятных для их художественного развития.

3) Признавая, что пролетарская литература, несмотря на большие художественные достижения, не успела еще выявить своих вполне оригинальных форм, Съезд считает, что объединение пролетарских писателей должно вестись по линии классово-идеологической, оставляя полную свободу внутри Союза за новые художественные формы.

4) По вопросу о крестьянских писателях Съезд признает возможным допущение в Союз писателей из крестьян, при условии если творчество их не носит характера, враждебного пролетарской идеологии.

В вечернем заседание был заслушан и принят к сведению доклад А. Богданова: «О пролетарском творчестве».

«Две основных характеристики пролетарского творчества: это 1) осознанный коллективизм: выявление не личности самой по себе, но творящего коллектива через творческую личность и средство организации коллектива и 2) трудовой монизм: не отделяя себя по существу от «простого» труда, не приписывая себе высшей природы, а признавая свою общетрудовую природу.

Обе эти черты ясно выражены в существующей пролетарской поэзии; революционность—результат этих двух черт.

Очередная задача, которую надо решить—отношение «формы» к «содержанию», т. е. «техники» к «искусству».

Значение техники различно. Одно относится к производству, другое—высшая техника—к идеологии.

Объект техники производства—природа, ее стихийные силы. Здесь задача техники—подчинение этих сил, накопление и сбережение человеческой энергии посредством машин и т. п.

Объект техники идеологической—живой опыт коллектива. Задача ее—приспособление этого опыта к задачам и потребностям коллектива, его организации. Здесь придется говорить о технике изложения, стихосложения, судопроизводства, религиозного культа.

Техника в производстве может быть общечеловеческой: машина может быть и не буржуазной, и не пролетарской. Когда общество классовое и классовый коллектив противопоставляется другому, когда идеология класса есть орудие борьба, господства—техника должна быть классовой. Она может служить к развитию энергии одного класса за счет другого, к подчинение энергии классов низших: так например, развитие техники судопроизводства или техника религиозная и художественная.

Техника производства прогрессирует с развитием производства.

Техника идеологическая, классовая прогрессирует с развитием класса.

Когда класс находится в периоде упадка—то техника понижается, падает, исчезает сила и гармония целого; энергия растрачивается на мелочи и частности; такова техника «декаданса». Техника весьма сложная, утонченная может быть низшей по существу.

В новом творчестве нужно исходить от высшей техники, которая имеет за собою классиков. Пролетарский поэт, который не выработал своей техники, должен называть себя «переводчиком» нарастающего жизненного революционного коллектива на чужой язык, на язык прежняго искусства.

И передавать то, новое, что рождается в жизни коллектива, ничуть не уступая форме, ничем из содержания не жертвуя для формы, напротив жертвуя формой,—это есть лучшее достояние творчества. Борьба со старой формой, в которую нужно дать новое содержание—это и есть путь искания нового. От нового содержания к новой форме—вот лозунг пролетарского творчества.

Утреннее заседание Съезда было заполнено докладом т. Лебедева-Полянского «О пролетарской критике». Докладчик раз-

граничил критику Чернышевского и Добролюбова, ставивших в первую очередь в произведении не художественность, а общественные отношения и пролетарскую критику, исходящей из того положения, что литература является организацией всей жизни, всего коллектива; выяснение содержания художественного произведения есть первый момент в задачах пролетарской критики; в задачи этой критики вошли также вопросы о стихе в будущем, о ритме, о художественности образов, о пролетарском романе.

Оживленные прения вызвали затронутые докладчиком вопросы о так называемом «свободном творчестве» и о соответствии поэтических образов и символов научному современному мировозрению.

Доклад т. Лебедева-Полянского принимается к сведению.

Вечернее заседание последняго дня Съезда, после часового доклада т. Ольминского о задачах—работе Истпарта, посвящается обсуждению Устава Всероссийского Союза пролетарских писателей.

После непродолжительных прений, устав союза принимается единогласно при нескольких воздержавшихся.

По предложению коммунистической фракции Съезда принимается список членов Правления Всерос. Союза прол. писателей и ревизионной комиссии. Избраны единогласно: в Правление: тт. В. Кириллов, М. Герасимов, А. Маширов, В. Александровский, И. Садофьев, А. Поморский, П. Арский, С. Оков, И. Филипченко, С. Обрадович, М. Волков; кандидатами: И. Шувалов, И. Логинов, А. Дорогойченко, Озоль, Бердников. В ревизионную комиссию: Злинченко, Воеводин и М. Сивачев.

После коротких докладов о работе провинций и пожеланий, среди которых надо отметить предложение об организации в Москве «Дома пролетарской Литературы», об организации Отдела пролетарской литературы при Гос-Издате, о составлении обращения к пролетарским писателям всех стран с призывом к организации пролетарской литературы и поддержке Советской России в борьбе с международным капиталом, заключительное слово берет Председатель Съезда т. В. Кириллов.

Первым Всероссийским Съездом пролетарских писателей за эти три дня выдвинута огромная работа по организации творческих сил пролетарской литературы и разрешении некоторых вопросов творчества. Хотелось бы, чтобы эта живая товарищеская связь, установившаяся здесь, чувствовалось бы и далее между разъехавшимися и Союзом. Нужно обмениваться о возникающих вопросах на местах, об организации. Нужно, чтобы эти нити не прерывались; чтобы то, что мы наметели здесь, было активным воплощением в каждом из нас, чтобы идеи, положенные в основу Всероссийского Союза пролетарских писателей, пропагандировались нами везде и всюду.

Первый Всероссийский Съезд пролетарских писателей объявляю закрытым (аплодисменты).

С пением Интернационала члены Первого Всероссийского Съезда пролетарских писателей расходятся.

БИБЛИОГРАФИЯ

Семен Оков. Этапы. Сборник стихов. Изд. Политотдела Туркфронта. Ташкент. 1920 г. 96 стр.

Сборник стихов тов. Окова производит странное впечатление. И без предпосланного к стихам предисловия некоего В. Кия, написанного в неприятно-покровительственном тоне, можно почувствовать, что «Этапы»—это стихи человека, перенесшего все ужасы гнета капиталистического мира и принявшего затем деятельное участие в Революции. Но... это—стихи не пролетария, органически связанного со своим классом, вовлеченного в единую с ним созидательную и товарищескую работу. Поэт-крестьянин, пришедший в город, остается чуждым той новой пролетарской культуре, которой он прикоснулся.

«Я живу в большом высоком доме,
В узкой комнатке, в четвертом этаже.
Ничего из окон мне не видно, кроме
Крыш да труб, торчащих вкруг настороже.
Встав поутру, наблюдаю ежедневно
И сегодня вижу то же, что вчера:
Трубы копотью плюются в небо гневно,
Чтоб не видно было света со двора».

Оков только наблюдатель, только из окна видит он труб харканье и этой позицией постороннего наблюдателя жизни объясняется и не пролетарская идеология Окова, и бледный, тягучий, ничего нового не вносящий в поэзию стих его. Только в двух-трех местах («Бей молотом», «Песня о комнате», «В царстве труб»), прорывается как будто свой ритм; остальное безжизненно, как плаксивые строки суриковцев.

Вот Оков встает в позу и заявляет: «песнь... она отныне наша» или:

«Мы самая высшая честь человека:
Честь быть пролетарским свободным поэтом».

И тут же рядом признается:

«Не учились мы ценить цену скульптуры,
Ни понятья в нас о стихе, ни манер,

(Уж, действительно, стиль.)

Формы песен наших мертвенны-убоги,
Мысли нашей не хватает рифм и слов.
Так не будьте-ж к нам придирчивы и строги:
Наш единственный учебник—часослов».

Что за убожество чувства и мысли. Таким языком пролетариат никогда не разговаривал, особенно пролетариат-победитель, строитель новой жизни, ведущий человечество в светлое грядущее. В лад унылым песням суриковцев, он подпевает:

«Равнодушно я бьюсь, равнодушно пою»

и весьма искренно объясняет почему:

«Сердца богатства бесплодно растрачены,
Нечем оплачивать жизни счета?
Воля подавлена... Силы утрачены...
А впереди нищета... нищета...»

И в своем равнодушно подавленном настроении, вовсе не свойственном пролетариату, ждет Оков помощи какого-то неведомого Друга (с большой буквы):

«Среди тинного стоячего болота
Погибаю я, сын в о л ь н ы х в о д р е к и
Ежедневно, ежечасно от кого-то
Жду я с помощью протянутой руки.»

и затем взывает:

«Друг мой верный, Друг мой сильный, поспеши!..

«Честь быть пролетарским свободным поэтом» тов. Оковым своей книжкой «Этапы» еще не заслужена. Ему нужна упорная работа над собой, над словом, над стихом, нужна действительная близость к пролетариату, чтобы встать в ряды пролетарских поэтов, которые не «рождены для поддержки страдания», а призваны на ряду со всем пролетариатом быть строителями новой жизни, новой культуры, нового искусства.

С. Оленев.

Р а д у г а. Литературно-художественный и политический сборник. Книга 2—3. Изд. Полтавского Губисполкома С. Р. К. и К. Д. Полтава, 1921 г., стр. 104, ц. 75 р.

Очень хорошо, на прекрасной бумаге, с рисунками на отдельных листах изданный сборник производит несколько странное впечатление своим содержанием. Из списка сотрудников заметно, что редакция стремится объять необъятное, совместить несовместимое. Здесь и большая часть пролетарских поэтов, и нео-народники, и акмеисты, и футуристы, и довольно многочисленная группа южных поэтов вне направления. В № 2—3 на ряду со стихами В. Александровского, М. Герасимова, С. Обрадовича, Гр. Санникова, рассказами Н. Ляшко и В. Кузьмина, художественный облик которых достаточно известен читателям „Кузницы"—стихи футуриста Гр. Петникова, акмеистов Вл. Нарбута и О. Мандельштама. Заслуживают внимания стихи Эм. Германа точностью эпитетов и чеканностью образов. Совсем непонятно, кому нужно и зачем помещены стихи И. Ясинского. Стихи остальных производят недоуменное и досадное впечатление своей оторванностью от жизни, интеллигентским пессимизмом и сухой, книжной литературщиной. Тут и Г. Владимирский с запетой и притупленной с пушкинских времен „адмиралтейской иглой", и сонеты К. Данаева с „безумным вожделением вампира", „ночным кафе Ван-Гога" и „знакомой таверной", танго, канканом и проститками, и П. Краснов с „единым Римом, куда все муки прилетают".

Елена Колобкова неожиданно воскрешает мотивы садизма, так странно звучащие в наши дни?

Стихи других: И. Юлианова, Д. Померинга, Е. Новской и Д. Выгодского находятся в том же кругу поэтических идей и мироощущения.

Рассказы Дм. Стонова и два драматических этюда: М. Галина „Возмездие" и Вл. Берштама „К новой жизни" бледны и неинтересны. Будем надеяться, что редакция в следующих номерах постарается исправить прежние ошибки и сделает этот почти единственный на Украине журнал более живым, жизненным и художественно-ценным.

С. Оленев.

Н. В л а с о в - О к с к и й. Воскресшая земля. Стихотворения. Гос. Изд. 1920 г., стр. 40. Цена 20 руб.

Стихи Н. Власова-Окского, изданные Госиздатом № 11 серии „Красная Книжка", показывают пример того, *что* Госиздату не следует издавать. Изданные, очевидно, в целях агитации они вряд-ли тронут рабочего или крестьянина своим ложным пафосом или пустозвонной подражательностью. Напрасно Госиздат думает, что рабочих и крестьян можно сагитировать литературой второго и третьего сорта. Не только рабочие и крестьяне не поймут, но и многоопытные редакторы из Госиздата не объяснят, что значит следующие строки:

Но уж вспыхивали зори,
Близя Дня приход...
... А Заря, суля Награды
приближала Миг (стр. 3).

Какие награды, кому? Какой миг? И почему здесь Заря, Награды, Миг и проч. с большой буквы?

Или, может быть, Госиздат объяснит, кому нужны, на кого могут воздействовать такие стихи?

... Ночь бледнеет... Тают тени...
Солнце правды выплывает
Над Вселенной, и с т у п е н и.
Ярколикие роняет (стр. 5).
... В О к е а н н о с т ь тинами
Выбрался родник (стр. 9).
... Титан-народ, как некий маг,
Поэзит жизнь светлее сказки (стр. 8).

Нет, не народ, а Власов-Окский „поэзит" жизнь на жаргоне Игоря Северянина. Изволите-ли видеть:

... Разрушает тот Пожар
Д р е в н е л и к и е (?) Строенья
Властелинам шлет удар,
Неимущим—в о с х и щ е н ь е (!) (стр. 6).
... Наш характер—дамасская сталь (стр. 19).

Для удобства агитации автор разбивает свои стихи, так сказать, по профессиям: „Отдыхающий столяр", „Портниха", „Землекоп", „Могильщик" и проч. Однако, язык этих тружеников, свойственный вовсе не им, а автору, выдает последнего с головой.

Портниха:

... Я шитью училася
У одной м а д а м (стр. 23).
... Стала мастерицею,—
От моих работ
Тает сила юная,
Не растет д о х о д (стр. 24)

Землекоп:

> ... Мой хлеб другие люди ели,
> А я... был должен лишь добыть (стр. 25).
> При злой нужде форсят в заплатах
> Жена и дети бедняка (стр. 26).

Где подслушал Власов-Окский своих портних и землекопов? Героя какого бульварного романа, под маской землекопа, заставляет он изрекать следующее:

> ... Моя работа кормит плохо
> Многоголовую семью.
> Мы—жертвы алчного Молоха—
> Влачили рабски жизнь свою (стр. 26).

Неужели это—агитация?
Хорош также и „Могильщик“:

> И все здесь у нас равноправны;
> Вельможа, купец и бедняк,
> Великий, бесславный и славный,
> Юпитер, и Жрец, и червяк (стр. 28).

Насчет купца и бедняка еще, может быть, говорит могильщик, но уж насчет вельможи, особенно Юпитера и Жреца позвольте сомневаться.

А вот, не хотите-ли послушать, как Власов-Окский запевает дьячком:

> «На вас воздеты, наши очи»?
> (стр. 31, «Молодежи»).

или его „Напев—Народу“:

> Муза—любящая дева
> Мне несет экстаз—алмаз (стр. 30).

С Музой повременим, а вот насчет „любящей девы“, „экстаза“ и „алмаза“ нужно установить, что эта любящая дева просто старая, но молодящаяся вдова, потерявшая всех своих поклонников, кроме, очевидно, Госиздат; экстаз—фальшивый; а алмазы от Тэт'а да и плохо отшлифованные. Необходимо раз навсегда отказаться от мысли, будто антихудожественная литература может быть агитационной литературой.

С. Оленев.

P. S. Читатель поймет, что мы уделили столько внимания не стихам Н. Власова-Окского, а странному вкусу Госиздата и его чуткому пониманию литературных запросов рабочих и крестьян. Остается только добавить, что книжка Н. Власова-Окского отпечатана в количестве 100.000 (ста тысяч!) экземпляров.

С. О.

Издание Литературного Отдела Наркомпроса.

Редакционная Коллегия Под'отдела Пролетарской Литературы.

16 типография М. С. Н. Х., Трехпрудный, 9.
Р. В. Ц. Печ. 10.000 экз.

„ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ"!

КУЗНИЦА

№ 9.

1922. Цена 25 коп. зол.

КУЗНИЦА

ОРГАН

Всероссийской Ассоциации Пролетарских Писателей.

В журнале принимают постоянное участие тт.: В. Александровский, П. Арский, Як. Бердников, Мих. Волков, Мих. Герасимов, Ив. Ерошин, А. Дорогойченко, В. Казин, Вл. Кириллов, А. Крайский, Ив. Касаткин, Н. Ляшко, Маширов-Самобытник, Сергей Малашкин, Ив. Муран, А. Неверов, П. Низовой, А. Новиков-Прибой, Е. Нечаев, С. Обрадович, В. Плетнев, Н. Полетаев, Мих. Праскунин, А. Поморский, Сем. Родов, Илья Садофьев, Гр. Санников, Н. Степной, Мих. Сивачев, Н. Тихомиров, Я. Тисленко, Г. Устинов, Ив. Филиппченко, К. Хохлов, Ф. Шкулев, А. Ширяевец, Ив. Яровой и др.

Арбат, Ст.-Конюшенный 33, кв. 11.

Р. Ц. Москва № 1032. Печ. 2.000 экз.

16-ая типография М. С. Н. Х. Трехпрудный, 9.

СТИХИ

ДНИ.

Поэма.

Автору эпиграфа
„... Поля наступают на завод"
Н. Ляшко посвящаю.

На каторге дней каторжане,
Под кандальные звоны знамен,
Тачки хребтами тянут
На грани иных времен.
Лишь у синего берега ночи
Свалят день, а на утро опять
Нагруженными тачками грохочут,
Тянут новую кладь.
И от горечи и от боли,
От того, что хватка туга,
Чернея цветут мозоли
И на сердце и на руках.

Утро.
Семь часов
И на смену синей ночи
На улице
Синяя блуза рабочего.
По дороге в завод
Эхо шагов зыбко
И заревой небосвод
На лицах улыбкой.
Улица в звонах и шелестах.
Ветерок волнует даль.
Только—голодными челюстями
Каблуки об асфальт.
А кругом среди пыли пегой
По дороге на торг городской
Телеги, телеги,
Нагруженные мукой.
От того, что болью хомут
У лошади на груди усталой,
От того, что жизнь—упрямая ноша,
Вдруг показалось:
Я тоже лошадь.